

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3 • 2023

Свидетельство о регистрации

Роскомнадзор ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Редакционный совет:

Д. В. Зотов,

кандидат юридических наук, доцент (главный редактор)
(Воронежский гос. университет);

Ю. Н. Стариков,

доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

Г. В. Стародубова,

кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
(Воронежский гос. университет)

Редакционная коллегия:

В. А. Азаров, доктор юридических наук, профессор
(Омский гос. университет);

О. И. Андреева, доктор юридических наук, доцент
(Томский гос. университет);

М. Т. Аширбекова, доктор юридических наук, профессор
(Саратовская гос. юрид. академия);

М. О. Баев, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

А. С. Барабаш, доктор юридических наук, профессор
(Сибирский федер. университет);

О. В. Баулин, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

П. Н. Бирюков, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский гос. университет);

О. Л. Васильев, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

А. С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор
(Российско-Армянский университет, Армения);

Л. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова);

С. И. Давыдов, доктор юридических наук, доцент
(Алтайский гос. университет);

А. Ю. Епихин, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. Р. Ергашев, доктор юридических наук, профессор
(Уральский гос. юрид. университет);

З. З. Зинатуллин, доктор юридических наук, профессор
(Удмуртский гос. университет);

Г. С. Казинян, доктор юридических наук, профессор
(Ереванский гос. университет, Армения);

А. П. Кругликов, кандидат юридических наук, профессор
(Волгоградский гос. университет);

О. А. Малышева, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. юрид. университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА));

Н. С. Манова, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

Е. В. Марковичева, доктор юридических наук, профессор (Российский гос. университет правосудия);

В. А. Мещеряков, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Н. Г. Муратова, доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федер. университет);

Е. И. Носырева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

А. В. Победкин, доктор юридических наук, профессор (Академия управления МВД России);

Т. Б. Рамзанов, доктор юридических наук, профессор (Дагестанский гос. университет);

О. С. Рогачева, доктор юридических наук, доцент (Воронежский гос. университет);

С. Б. Россинский, доктор юридических наук, доцент (Институт государства и права РАН);

А. В. Руденко, доктор юридических наук, профессор (Кубанский гос. университет);

Т. К. Рябинина, доктор юридических наук, профессор (Юго-Западный гос. университет);

М. К. Свиридов, доктор юридических наук, профессор (Томский гос. университет);

И. В. Смолькова, доктор юридических наук, профессор (Байкальский гос. университет);

В. В. Трухачев, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

Ю. В. Францифоров, доктор юридических наук, профессор (Саратовская гос. юрид. академия);

О. Н. Шеменева, доктор юридических наук, профессор (Воронежский гос. университет);

В. Б. Ястребов, доктор юридических наук, профессор (Московский гос. университет имени М. В. Ломоносова)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»	Ведущий редактор Е. С. Котлярова Формат 70×108/16. Уч.-изд. л. 5,2. Усл. п. л. 5,6 Тираж 150 экз. Заказ 583 Дата выхода в свет 18.09.2024
Адрес учредителя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1	Издательский дом ВГУ 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Адрес редакции, издателя: 394018 Воронеж, пл. Ленина, 10а, к. 810 E-mail: sudvl@mail.ru	Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ 394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3
Сайт журнала: www.law.vsu.ru/sudvl	© Воронежский государственный университет, 2023
Подписной индекс: 94235 Объединенного каталога «Пресса России»	© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2023

JUDICIAL AUTHORITY AND CRIMINAL PROCESS

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 3 • 2023

Registration certificate ПИ № ФС 77-56617 от 26.12.2013

Editorial council:

D. V. Zotov,

candidate of legal sciences, associate professor, editor
(Voronezh State University);

Yu. N. Starilov,

doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

G. V. Starodubova,

candidate of legal sciences, associate professor, vice editor
(Voronezh State University)

Editorial board:

V. A. Azarov, doctor of legal sciences, professor
(Omsk State University);

O. I. Andreeva, doctor of legal sciences, professor
(Tomsk State University);

M. T. Ashirbekova, doctor of legal sciences, professor
(Saratov State Law Academy);

M. O. Baev, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

A. S. Barabash, doctor of legal sciences, professor
(Siberian Federal University);

O. V. Baulin, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

P. N. Biriukov, doctor of legal sciences, professor
(Voronezh State University);

O. L. Vasilyev, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

A. S. Ghambaryan, doctor of legal sciences, professor
(Russian-Armenian University, Armenia);

L. V. Golovko, doctor of legal sciences, professor
(Lomonosov Moscow State University);

S. I. Davidov, doctor of legal sciences, professor
(Altai State University);

A. Yu. Epihin, doctor of legal sciences, professor
(Kazan Federal University);

E. R. Ergashev, doctor of legal sciences, professor
(Ural State Law University);

Z. Z. Zinatullin, doctor of legal sciences, professor
(Udmurt State University);

G. S. Kazinian, doctor of legal sciences, professor
(Yerevan State University, Armenia);

A. P. Kruglikov, candidate of legal sciences, professor
(Volgograd State University);

O. A. Malysheva, doctor of legal sciences, professor (Kutafin Moscow State Law University (MSAL));
N. S. Manova, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
E. V. Markovicheva, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
V. A. Meshcheryakov, doctor of legal sciences, professor (Russian State University of Justice);
N. G. Muratova, doctor of legal sciences, professor (Kazan Federal University);
E. I. Nosyreva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
A. V. Pobedkin, doctor of legal sciences, professor (Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs Russian);
T. B. Ramazanov, doctor of legal sciences, professor (Dagestan State University);
O. S. Rogacheva, doctor of legal sciences, associate professor (Voronezh State University);
S. B. Rossinskiy, doctor of legal sciences, associate professor (Institute of State and Law of RAS);
A. V. Rudenko, doctor of legal sciences, professor (Kuban State University);
T. K. Ryabinina, doctor of legal sciences, professor (Southwest State University);
M. K. Sviridov, doctor of legal sciences, professor (Tomsk State University);
I. V. Smolkova, doctor of legal sciences, professor (Baikal State University);
V. V. Trukhachev, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
Yu. V. Franziforov, doctor of legal sciences, professor (Saratov State Law Academy);
O. N. Shemeneva, doctor of legal sciences, professor (Voronezh State University);
V. B. Yastrebov, doctor of legal sciences, professor (Lomonosov Moscow State University)

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Voronezh State University»
Editorial address: 394018 Russia, Voronezh, Lenin Sq., 10a, r. 810
E-mail: sudvl@mail.ru

Editorial founder: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Official site: www.law.vsu.ru/sudvl

© Voronezh State University, 2023
© Desin, original-model.
Publishing house of Voronezh State University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

V Всероссийская научно-практическая конференция «Нравственные основы юридической деятельности (V Кокоревские чтения)» (Воронеж, 15–16 сентября 2023 г.): фотоотчет..... 7

13 НАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Васильев О. Л. Соответствуют ли новеллы УПК РФ нравственным началам уголовного процесса?..... 13

Манова Н. С. Неустановление события преступления как основание вынесения оправдательного приговора 19

Малышева О. А. Нравственные основы применения следователем цифровых технологий в процессе доказывания 26

Серебренникова А. В. Понятие профессиональной этики при обучении студентов-юристов 31

Карташов И. И. Этические аспекты использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве..... 37

Кошман В. А., Юрченко Л. В. Некоторые нравственные аспекты использования цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности 43

Кирющенко И. И. Уголовно-правовое значение принципа гуманизма в работах В. П. Кашепова..... 48

Савицкая И. Г., Столярова Е. М. Нравственные начала в профессиональной деятельности эксперта при производстве по уголовным делам..... 53

Чистилина Д. О. Цифровизация, нравственность и право в деятельности судьи при разрешении уголовного дела..... 59

CONTENTS

V all-Russian scientific-practical conference «Moral foundations of legal activities (V Kokorev's readings)» (Voronezh, 15–16 September 2023): photo report 7

13 MORAL FOUNDATIONS OF LEGAL ACTIVITIES

Vasiliev O. L. Do the novelties of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation correspond to the moral principles of the criminal process	13
Manova N. S. Failure to establish a criminal event as a basis for a judgement	19
Malysheva O. A. The moral foundations of the investigator use of digital technologies in the process of proving.....	26
Serebrennikova A. V. Concept of professional ethics in legal education for law students	31
Kartashov I. I. Ethical aspects of the use of artificial intelligence in criminal proceedings	37
Koshman A. V., Yurchenko L. V. Some moral aspects of the use of digital technologies in criminal procedural activities	43
Kiryushchenko I. I. The criminal law significance of the principle of humanism in the scientific works of V. P. Kashepov.....	48
Savitskaya I. G. Stolyarova E. M. Moral principles in the professional activity of an expert in production in criminal cases	53
Chistilina D. O. Digitalization, morality and law in the activity of a judge in resolving a criminal case	59

**V ВСЕРОССИЙСКАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**«НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ
ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(V КОКОРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ)»
Воронеж, 15–16 сентября 2023 года**

*Участники V Всероссийской научно-практической конференции
«Нравственные основы юридической деятельности
(V Кокоревские чтения)».
Воронеж, 15 сентября 2023 года*

V Всероссийская научно-практическая конференция
«Нравственные основы юридической деятельности»

V Всероссийская научно-практическая конференция
«Нравственные основы юридической деятельности»

V Всероссийская научно-практическая конференция
«Нравственные основы юридической деятельности»

СООТВЕТСТВУЮТ ЛИ НОВЕЛЛЫ УПК РФ НРАВСТВЕННЫМ НАЧАЛАМ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА?

Доклад содержит обзор изменений, внесенных в уголовно-процессуальный кодекс за последний год, с точки зрения их соответствия нравственным началам уголовного процесса. Увеличение сроков рассмотрения судом жалоб, провозглашение в суде неполного приговора, расширение процессуальных льгот для предпринимателей и ряд других важных изменений имеют исключительно отрицательную нравственную окраску.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовный процесс, изменения, нравственные начала, приговор, дифференциация, гарантии.

DO THE NOVELTIES OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION CORRESPOND TO THE MORAL PRINCIPLES OF THE CRIMINAL PROCESS?

The report contains an overview of the changes made to the Code of Criminal Procedure over the past year, from the point of view of their compliance with the moral principles of the criminal process. The increase in the time frame for court consideration of complaints, the announcement of an incomplete judgment, the expansion of procedural benefits for businesspersons and a number of other important changes have an exclusively negative moral connotation.

K e y w o r d s: criminal process, novelties, moral principles, judgment, differentiation, guarantees.

Поступила в редакцию 6 сентября 2023 г.

За прошедший год законодатель продолжал вносить множественные изменения в УПК РФ, среди которых можно выделить преобразования технического плана, как, например, распределение по подследственности новых составов преступлений, а также изменяющие более-менее устоявшиеся институты. Интересно рассмотреть новеллы второго типа под углом соответствия нравственным началам уголовного судопроизводства. При этом не станем углубляться в философию, этику, а постараемся взглянуть на них простым человеческим взглядом правоведа, т. е. несет ли это изменение добро или зло (при том что обман или лукавство в таком государственном виде деятельности, как уголовное судопроизводство, очевиднейшим образом противоречат справедливости, правде, а значит, всегда безнравственны).

Итак, начнем наш краткий обзор с самых выдающихся за этот период новелл, «подаренных» законодателем обществу практически под Новый год¹.

¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 608-ФЗ. Здесь и далее доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Васильев О. Л., 2023

Во-первых, теперь жалобы на действия (бездействие) и решения государственных органов и должностных лиц со стороны обвинения будут рассматриваться судом в течение не 5, а 14 суток (исключение при дознании в сокращенной форме – там 5 суток). То есть если нарушение закона действительно имеет место, оно будет еще длиться две недели, и как результат, последствия этого нарушения уже могут стать неустраняемыми. Существующая хоть на сколько-то реальная гарантия защиты прав граждан, являющихся участниками процесса, от злоупотребления властными субъектами – имеется в виду обжалование как гарантия права на судебную защиту – приобретает иллюзорный характер.

Во-вторых, теперь приговор провозглашается не в полном объеме, а частично – только его вводная и резолютивная части. Однако законодатель при этом уточняет, что приговор должен быть составлен в полном объеме. Такое сочетание норм можно истолковать как минимум двояко: либо при постановлении приговора в совещательной комнате суд составляет приговор целиком, а объявляет только вводную и резолютивную части, либо суд составляет и тут же объявляет только вводную и резолютивную части приговора, а в дальнейшем составляет приговор в полном объеме, т. е. дописывает мотивировочную часть. Если верно первое толкование, тогда возникает вопрос, почему не огласить приговор целиком – разве участникам судебного заседания, в том числе публике, не важно и не интересно, чем суд мотивирует свое решение? Если таким образом законодатель экономит время суда и других участников, то это абсолютно безнравственно (оставлять осужденных в неведении о мотивах осуждения, оставлять потерпевших в неведении о мотивах оправдания, оставлять публику в недоумении по поводу совершенного правосудия – это неправильно, нечестно, и более того, вредно с точки зрения доверия к власти). Если же правильным является второе толкование, то это еще хуже с нравственной точки зрения, чем первое. Ведь очевидно, если судья при постановлении приговора излагает мотивировочную часть, он обоснованно приходит к выводу. Если же судья по какому-то первоначальному своему впечатлению приходит к выводу, который потом будет обосновывать, а может даже начнет подгонять мотивировку под поспешно сделанный, а потом осознанный им как неправильный вывод, то здесь имеет место «подкоп» под само правосудие. А понятия «правосудие», «правда», «справедливость» в нашем языке, в нашем правосознании, в нашей культуре, в нашем мировоззрении не делимы. При этом в пользу второго толкования свидетельствует новелла о продлении срока апелляционного обжалования с 10 до 15 суток, а в пользу первого – законодатель не сделал дополнения «со дня их вынесения в окончательной форме», которое он прямо оговорил в отношении не полностью объявленного апелляционного решения.

В-третьих, законодатель исключил обязанность суда апелляционной инстанции исследовать доказательства, делая тем самым эту стадию еще более формальной, т. е. несколько ненастоящей, чем она была.

Перейдем к другим новеллам.

Так, дважды подвергалась изменению ст. 27 УПК РФ «Основания прекращения уголовного преследования». Ведь прекращение уголовного преследования или дела по нереабилитирующим основаниям есть, честно говоря, своего рода обман – Конституция РФ запрещает считать человека виновным до момента

вступления в силу обвинительного приговора (ст. 49), при этом прекращение дела по нереабилитирующим основаниям нарушает данный запрет. Лукавство усиливается тем, что такое прекращение невозможно без согласия подозреваемого или обвиняемого – а ведь это довольно сложный с нравственной точки зрения выбор между дальнейшей неравной борьбой за свою честь, достоинство и желанием прекратить как можно скорее, хотя и с позорным клеймом, этот кошмар для тебя и твоей семьи. И вот вместо отмены этого безнравственного института законодатель его расширяет, указывая, что повторно также нельзя прекращать дело за примирением, деятельным раскаянием, уплатой судебного штрафа, возмещением ущерба и в связи с истечением сроков давности без согласия подозреваемого или обвиняемого². То есть человека могут несколько раз ставить перед этим мучительным нравственным выбором.

Более того, если человек возразил против прекращения уголовного преследования в связи с истечением сроков давности, то через определенное время, если расследование не закончено, оно должно быть прекращено за непричастностью лица к совершению преступления, т. е. по реабилитирующему основанию (речь может идти даже об особо тяжком преступлении)³. С одной стороны, становится более понятно, на что реально может рассчитывать подозреваемый и обвиняемый, отказавшийся от прекращения преследования по нереабилитирующим основаниям – если не на оправдательный приговор, то хотя бы на прекращение дела по реабилитирующим основаниям. Однако с другой стороны, допустим, человек явился с повинной, признал себя виновным и «хочет пострадать» за содеянное, отказываясь от прекращения дела ввиду истечения срока давности, но по каким-то причинам расследование не окончено и преследование все равно будет прекращено против воли подозреваемого или обвиняемого. То есть нарушитель уголовного закона утверждает, что преступление было, а государство утверждает, что не было, не спрашивая мнения ни этого подозреваемого или обвиняемого, ни тем более потерпевшего. К тому же остается открытым вопрос, что в этом случае будет с самим уголовным делом – оно будет прекращено за истечением сроков давности, т. е. по нереабилитирующему основанию, но ведь согласно ч. 4 ст. 24 уголовное дело не может быть прекращено в случае прекращения уголовного преследования в отношении всех подозреваемых или обвиняемых в связи с их непричастностью. Налицо запутывающий правоприменителя и общество абсурд!

Еще немного о последствиях истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности. Теперь нельзя задерживать и применять меры пресечения к лицу, если к этому моменту истекли сроки давности уголовного преследования⁴. Правда, сделано исключение для лиц, которым грозит смертная казнь или пожизненное лишение свободы. То есть допустим, лицо подозревается в совершении особо тяжкого преступления, за которое не предусмотрено

² См.: О внесении изменения в статью 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2023 г. № 81-ФЗ.

³ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. законом от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ.

⁴ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. законом от 13 июня 2023 г. № 220-ФЗ.

упомянутых санкций, и есть все основания для его задержания и заключения под стражу, однако обстоятельства еще не расследованы в полном объеме, нет окончательной квалификации содеянного, не предъявлено обвинение, однако формально его задерживать и применять меру пресечения нельзя. Значит, в такой ситуации общество может оказаться незащищенным – расследование ведется уже в отношении конкретного лица, а к нему не применена даже подписка о невыезде? Соответственно, правоприменители либо должны притворяться, что лицо точно не опасно (тогда вопрос, зачем вести расследование), либо будут давать предварительную квалификацию так, чтобы «дотянуть» ее до высших мер наказания?

Следующий блок новелл продолжает усиливать далеко не безупречное с точки зрения нравственности неравенство подозреваемых и обвиняемых по имущественному и социальному критерию. Так вызывал сомнение нравственный аспект надления особым процессуальным положением субъекта предпринимательской деятельности. Например, каким общественным благом можно оправдать норму, которая мошенника, зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя или учредившего фирму, ставит в привилегированное положение перед таким же мошенником, но не зарегистрированным надлежащим образом (ч. 3 ст. 20 УПК РФ)? Неужели законодатель подталкивает потенциального преступника к мысли, мол, «прежде чем совершишь намеченное мошенничество, зарегистрируй предпринимательский статус и станешь законопослушным мошенником»? Теперь же при выборе для них меры пресечения в обязательном порядке должно учитываться, сможет ли он продолжать заниматься предпринимательством⁵. А почему также жестко законодатель не требует от правоприменителя выяснять, кто будет содержать семью обычного заключенного под стражу или помещенного под домашний арест? С каких это пор в нравственной иерархии ценностей интересы бизнеса поставлены выше, например, интересов семьи?

Этим же законом внесена новелла, вызывающая просто недоумение, – оказывается, если материалы дела будут свидетельствовать, что субъект предпринимательства совершил определенное «предпринимательское преступление» не в связи с предпринимательской деятельностью, то ему не будет процессуальных привилегий в виде незаклучения под стражу. Получается, узаконивается ложь – мы обвиняем, например, руководителя коммерческой организации по ст. 201 УК РФ за «использование... своих полномочий вопреки законным интересам этой организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо нанесения вреда другим лицам», но «не в связи с осуществлением им полномочий по управлению этой организацией». Разве это не есть «лазейка» для обхода запрета «бизнес-присядки»?

Кроме того, теперь при продлении срока заключения под стражу до 6 месяцев следователь и дознаватель согласовывают свое ходатайство с процессуальным начальством регионального, т. е. среднего звена, а не со своим районным процессуальным начальством, как по обычным гражданам (то же вышестоя-

⁵ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 2023 г. № 217-ФЗ.

щее процессуальное руководство продлевает и сроки расследования по таким привилегированным заключенным).

Кроме того, теперь дело в отношении субъекта предпринимательской деятельности может быть прекращено через возмещение им ущерба государству в тройном размере по большему количеству составов экономических преступлений⁶. Но ведь ставить перед уголовным судопроизводством задачу пополнения бюджета безнравственно, ведь это уже не борьба с преступностью, а какой-то государственный шантаж – такая чуждая уголовной юстиции задача появилась, конечно, не вчера, но теперь она укрупняется.

Помимо этого, если по налоговым преступлениям недоимку, пени, штраф «злодей» успел внести в бюджет до принятия решения о возбуждении уголовного дела, то оно и не будет возбуждено⁷. Возникает вопрос о реальности налогового преступления – оно же считается оконченным с момента неуплаты в бюджет соответствующих сумм налогов и сборов (см., например, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»). Получается, государство как бы намекает лицу, преступившему уголовный закон: «Ты как узнаешь, что правоохранительные органы проводят доследственную проверку по твоим налогам, сразу заплати и можешь спать спокойно. А если доследственной проверки еще нет, то не плати и тоже можешь спать спокойно. А если уже возбудят, то потом, в случае чего, заплатишь. Так что, спи спокойно, дорогой неплательщик налогов и сборов». Интересно, на какой нравственной позиции строится эта новелла?

Отойдем, наконец, от сферы уголовного предпринимательства к другим процессуальным новеллам. Усиливается нравственная проблема цифровизации уголовного судопроизводства. «Виртуальная реальность» не есть настоящая, а значит, лукавая, искривленная. И эту квазиреальность законодатель вводит в процесс в виде участия в заседаниях по видео-конференц-связи⁸. Вэтом случае, во-первых, выхолащивается воспитательная функция судебного разбирательства с ее неизменными видимыми сакральными атрибутами судебной власти. Вряд ли интернет-заседание создаст эмоциональную атмосферу процесса, позволяющую судье проникнуть в душу основных участников и к тому же воспитательно-образовательно воздействовать на публику. Во-вторых, такое начало, как непосредственность, приносится в жертву физическому удобству бюджетной экономии – показания с помощью Интернета не есть показание, воспринимаемые судом непосредственно.

В такую же игру с реальностью законодатель предлагает играть правоприменителю, узаконив электронные документы. Неужели электронная подпись

⁶ См.: О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 14 апреля 2023 г. № 116-ФЗ.

⁷ См.: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ.

⁸ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ.

с флешки, вставленной в компьютер любым человеком, должна убеждать судью в том, что документ изготовлен и подан конкретным лицом, на которого формально зарегистрирована эта цифровая подпись? Снова некая видимость правды.

И пожалуй, последнее – не понятно, почему теперь при передаче в гражданское судопроизводство иска для дополнительных расчетов, снимается арест с имущества третьих лиц – ведь пока дело передается, имущество может быть успешно оперативно продано добросовестным приобретателям⁹. И как тогда будет обеспечен иск? Что это? Очередная лазейка для богатых преступников или не известное нам нравственное начало?

Таким образом, если не принимать во внимание корректировку ст. 6.1 в части некоторого уточнения и так не совсем реальной возможности получить компенсацию за процессуальную волокиту¹⁰ и конкретизации сроков некоторых мер пресечения¹¹, отсутствие которых в законодательстве вызывало обоснованное недоумение честных правоведов, а также некоторое ограничение поворота к худшему в отношении реабилитированного¹², остальные новеллы не просто далеки от нравственных начал уголовного судопроизводства, а противоречат им. А ведь всё это подается как гуманизация процесса, непрестанная борьба за права человека, в общем, объясняется благими намерениями законодателя, но нам не стоит забывать, какая дорога, по мнению нашего мудрого народа, вымощена благими намерениями, и кто строитель такой дороги.

⁹ См.: О внесении изменения в статью 309 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 2023 г. № 213-ФЗ.

¹⁰ См.: О внесении изменений в статью 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 5 декабря 2022 г. № 476-ФЗ.

¹¹ См.: О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 7 октября 2022 г. № 383-ФЗ.

¹² См.: О внесении изменений в статью 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федер. закон от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Васильев О. Л., доктор юридических наук, профессор кафедры
уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора*

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Vasilyev O. L., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal
Process, Justice and Prosecutorial Oversight Department
E-mail: sudvl@mail.ru*

НЕУСТАНОВЛЕНИЕ СОБЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ВЫНЕСЕНИЯ ОПРАВДАТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА

В статье отмечается, что отождествление понятия «событие преступления» с событием в бытовом смысле снижает пределы применения рассматриваемого основания оправдания и что его сущностью является неустановление по делу таких деяний подсудимого, в отношении которых можно было бы судить, содержат ли они признаки состава преступления или нет. Кроме того, при определении такого термина, как «неустановление», следует руководствоваться закрепленной в ст. 14 УПК РФ презумпцией невиновности, требующей трактовать неустранимые сомнения в доказанности события преступления как его отсутствие. По мнению автора, данное основание постановления оправдательного приговора в п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ целесообразно изложить в следующей редакции: «отсутствует деяние, содержащее объективные признаки преступления». При такой редакции данное основание сможет охватить не только случаи, когда вмененное лицу деяние не существовало вообще, но и такие ситуации, когда деяние, внешне похожее на преступное по последствиям или действиям, оказалось правомерным, было связано с независимыми от воли человека обстоятельствами или квалифицируется как дисциплинарный проступок, административное правонарушение, но не преступление.

К л ю ч е в ы е с л о в а: основание оправдания, отсутствие события преступления, состав преступления, деяние, запрещенное уголовным законом.

FAILURE TO ESTABLISH A CRIMINAL EVENT AS A BASIS FOR A JUDGEMENT

The article notes that identifying the concept of “crime event” with an event in the everyday sense reduces the scope of application of the ground of justification under consideration, and that its essence is the failure to establish in the case such acts of the defendant in relation to which it would be possible to judge whether they contain elements of a crime or not. In addition, when defining such a term as “failure to establish”, one should be guided by the provisions enshrined in Art. 14 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation with a presumption of innocence, which requires that irremovable doubts about the proof of a crime be interpreted as its absence. According to the author, this basis for the decision of acquittal in paragraph 1 of part 2 of Art. 302 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation should be stated as follows: “there is no act containing objective signs of a crime”. With this wording, this basis will be able to cover not only cases where the act imputed to the person did not exist at all, but also situations where an act, outwardly similar to criminal in its consequences or actions, turned out to be lawful, was associated with circumstances independent of the will of a person, or is qualified as a disciplinary offense, an administrative offense, but not a crime.

К е y w o r d s: basis of justification, absence of crime event, corpus delicti, an act prohibited by criminal law.

Поступила в редакцию 22 сентября 2023 г.

Среди оснований вынесения оправдательного приговора первым закон указывает неустановление события преступления (п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ). О необходимости установления данного обстоятельства говорит целый ряд норм УПК РФ: ст. 73 обязывает при производстве по уголовному делу доказать наличие события преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого должно содержаться описание преступления с указанием времени, места его совершения (п. 4 ч. 2 ст. 171); в обвинительном заключении указывается место и время совершения преступления, его способы, мотивы, цели, последствия (п. 3 ч. 1 ст. 220). Наконец, при постановлении приговора и вынесении вердикта и суд, и коллегия присяжных заседателей должны разрешить вопрос о доказанности деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый (п. 1 ч. 1 ст. 299, п. 1 ч. 1 ст. 339 УПК РФ).

Вместе с тем в теории уголовного процесса не выработано однозначной позиции относительно того, что может указывать на наличие такого основания оправдания, как «неустановление события преступления». По мнению одних авторов, им охватываются ситуации, когда отсутствует какое-то бы ни было событие как явление объективной реальности или когда налицо событие, «которое имеет естественное или природное (объективное) происхождение, не связано ни с сознанием, ни с волей субъекта, а потому не способно породить охранительного уголовно-правового отношения, или когда возникло явление субъективного значения, не достигшее уровня деяния (мысли, убеждения, воззрения, намерения, которые так и не вылились в деяние)»¹. Как отсутствие события преступления некоторыми учеными расценивается «ситуация, когда это событие является результатом действий самого пострадавшего»²; другие же авторы полагают, что подтвержденная версия о самоубийстве или несчастном случае должна квалифицироваться как отсутствие состава преступления, так как действие (бездействие) человека все-таки имело место³.

Такая разница в понимании сути данного основания оправдания связана с неоднозначной трактовкой формулировки п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, где термин «событие» употреблен совместно с понятием «преступление», которое наделяет первый термин определенным набором характеристик. Ученые обращают внимание на сходство понятий «событие преступления» и «состав преступления»: «преступное событие не может существовать вне хотя бы одного из четырех элементов состава преступления: объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны»⁴. Как отмечает А. П. Фильченко,

¹ Фильченко А. П. К вопросу о соотношении уголовно-правовой категории «деяние» и уголовно-процессуальной конструкции «событие преступления». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Овсянников И. В. Основания оправдательного приговора : сокращать или расширять? // Уголовное право. 1999. № 3. С. 85–91.

³ См.: Сафронов Д. М. Обстоятельства, исключающие уголовное преследование : учеб. пособие. Омск, 2007. С. 12.

⁴ Химичева Г. П. Досудебное производство по уголовным делам : концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 245.

«когда в свершившемся деянии отсутствует один из признаков преступления, исключающих возможность назвать событие преступлением», возникает некая путаница⁵.

В соответствии с УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания, которое не может существовать вне элементов, образующих его состав (ст. 8, ч. 1 ст. 14 УК РФ). То есть, несмотря на то, что преступление обладает собственными признаками в виде виновности, общественной опасности и наказуемости, в содержание этого понятия неотъемлемо включаются признаки состава преступления, поскольку именно они выступают основанием уголовной ответственности, и от установленных судом признаков состава преступления зависит его общественная опасность⁶. Поэтому полагаем, что мнение о том, что совместное употребление в п. 1 ч. 1 ст. 302 УПК РФ терминов «событие» и «преступление» вводит в заблуждение относительно того, подлежит ли оправданию подсудимый при неустановлении преступления как произошедшего факта или же как деяния, содержащего все признаки состава преступления, справедливо.

Некоторые авторы указывают на то, что отождествление события преступления с событием в бытовом смысле «приводит к искусственному снижению пределов применения данного основания оправдания»⁷. Отмечается, что «событие – это какое-либо явление, а событие преступления – это всегда результат общественно опасного, запрещенного уголовным законом деяния»⁸.

Данная позиция, по нашему мнению, заслуживает поддержки. Иное видение приводит к представлениям об отсутствии «самого факта, о котором содержались сведения в сообщении о преступлении», означающего, что «из первичных материалов, имеющихся в распоряжении уполномоченного должностного лица, следует вывод, что событие, являющееся предметом рассмотрения, в действительности отсутствовало»⁹. Другими словами, при таком подходе событие преступления осмысливалось бы как «деяние, о котором сообщено в поводе к возбуждению уголовного дела»¹⁰, что позволяет отличать его от состава преступления. Тогда рассматриваемое основание имело бы неоправданно ограниченную сферу распространения и включало лишь ситуации отсутствия факта как элемента реальной действительности (к примеру, при неподтверждении версии об убийстве в случае, если человек обнаружен живым).

⁵ Фильченко А. П. Указ. соч.

⁶ См.: О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 18.12.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2 ; 2019. № 2.

⁷ Чурилов Ю. Ю. Оправдательный приговор в российском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2009. С. 15.

⁸ Суханова Н. Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 18.

⁹ Румянцева М. О. Возбуждение уголовного дела : проблемы и перспективы. М., 2019. С. 67.

¹⁰ Рыжаков А. П. Прекращение уголовного дела : новое основание : науч.-практ. пособие. М., 2017. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

В доктрине уголовного процесса существует неопределенность в вопросе о том, что считать данными, указывающими на признаки преступления. Согласно официальной позиции Верховного Суда РФ к ним следует относить обстоятельства, свидетельствующие о возможности совершения преступления. При этом нет необходимости в выяснении всех обстоятельств произошедшего. Об отсутствии события преступления говорит не отсутствие какого-либо признака состава преступления, а отсутствие каких-либо доказательств того, что установленный факт, послуживший основанием к возбуждению уголовного дела, мог расцениваться как указывающий на преступление¹¹.

Конституционный Суд РФ также отметил, что правовая оценка поведения лица на предмет наличия или отсутствия в нем состава преступления как основания уголовной ответственности возможна лишь при установлении обстоятельств, свидетельствующих о наличии общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления¹². Полагаем, что, используя термин «объективные признаки преступления», Конституционный Суд РФ умышленно не отождествляет его с признаками объективной стороны преступления, хотя указывает на возможность ориентации на них.

Таким образом, по нашему мнению, наиболее точной трактовкой такого основания вынесения оправдательного приговора, как «неустановление события преступления», является неустановление по делу таких деяний подсудимого, в отношении которых можно было бы судить, содержат они признаки состава преступления или нет.

Не меньшую дискуссию вызывает и соотношение терминов «событие» и «деяние» применительно к рассматриваемому основанию оправдания. Многие ученые-процессуалисты полагают, что использование в уголовно-процессуальном законе понятия «событие преступления» является неудачным, так как элементом состава преступления (его объективной стороны) является «деяние», а не «событие», как нечто, не связанное с волей человека (стечение обстоятельств, результат действия силы природы). В силу этого предлагается использовать в уголовно-процессуальном законе словосочетание «отсутствие деяния»¹³ или «отсутствие преступного деяния»¹⁴. Другие же авторы хотели бы видеть в тексте УПК РФ конструкцию «отсутствие события, содержащего признаки преступления»¹⁵.

В уголовно-правовой доктрине под деянием понимается «общественно опасное, противоправное, осознанное, волевое, сложное по характеру дей-

¹¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 12 июля 2017 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 9.

¹² См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова : постановление Конституц. Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 26. Ст. 5043.

¹³ Химичева Г. П. Указ. соч. С. 246.

¹⁴ Фильченко А. П. Указ. соч.

¹⁵ Волынская О. В. Прекращение уголовного дела и уголовного преследования : теоретические и организационно-правовые проблемы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 32.

ствие или бездействие, нарушившее или создавшее реальную угрозу нарушения общественных отношений, взятых под охрану уголовным законом»¹⁶. Деяние является обязательным признаком объективной стороны состава преступления. Однако анализ ст. 8 УК РФ и иных положений общей и особенной частей УК РФ приводит к выводу о том, что уголовный закон использует термин «деяние» более универсально, включая в его содержание не только общественно опасное противоправное действие (бездействие), но и преступное последствие, причинную связь между деянием и наступившим последствием, факультативные признаки объективной стороны преступления (способ, обстоятельства места и времени, орудия, средства), и даже признаки иных элементов состава преступления. Как отмечает Ю. Е. Пудовочкин, «понимание термина «деяние» зависит от контекста его употребления в тексте закона»: если в ст. 14 УК РФ оно характеризует преступление в целом, то как признак, включенный законодателем в квалифицированные составы преступлений, описывает преимущественно только действие или бездействие субъекта¹⁷. В силу этого замена понятия «событие» на «деяние» в тексте уголовного закона представляется нам приемлемой.

Таким образом, понятие «событие», используемое в п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, соотносится с понятием «деяние», применяемым в уголовном законе в широком смысле и характеризующим произошедшее как содержащее признаки противоправного поведения, запрещенного уголовным законом, которые могут полностью или частично соответствовать диспозиции конкретной статьи УК РФ. Подобное означает, что не только сами действия или бездействие, четко определяемые УК РФ, могут свидетельствовать о наличии преступного события, но и отдельные их составляющие (например, факт незаконного нахождения наркотических средств, а не действия по их сбыту) или последующий результат (например, труп с признаками применения насилия, а не действие по умышленному причинению тяжкого вреда здоровью), исходя из которых может возникнуть подозрение о совершении преступления, предусмотренного конкретной нормой закона.

Существующее в УПК РФ несоответствие терминологии нарушает правовую определенность в рассматриваемом вопросе. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 299, п. 1 ч. 1 ст. 339 УПК РФ должно быть доказано наличие деяния, в совершении которого обвиняется подсудимый, а в п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ в качестве обстоятельства, подлежащего доказыванию, названо «событие преступления», в которое включаются признаки объективной стороны преступления, существующие наряду с деянием, его общественно опасным последствием и причинной связью между ними. В силу этого полагаем целесообразным привести в соответствие терминологию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, используя и там, и там термин «деяние».

Рассматриваемое первое основание вынесения оправдательного приговора сегодня, согласно историческим традициям, сформулировано через «неустановленность». Некоторые ученые трактуют категорию «неустанов-

¹⁶ Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М., 2017. С. 64.

¹⁷ Пудовочкин Ю. Е. Учение о составе преступления : учеб. пособие. М., 2009. С. 71–72.

ление события преступления» как доказанность его отсутствия¹⁸, как «отсутствие преступления вообще»¹⁹. Другие авторы считают, что неустановление события преступления включает в себя как доказанность его отсутствия, так и его неустановленное наличие²⁰, подчеркивая, что «понятие “не установлено событие преступления” охватывает все ситуации, возможные в рамках данного основания»²¹, что оно охватывает, наряду с достоверным установлением отсутствия события, «ситуации, когда по поводу существования соответствующего деяния... остались неразрешимые сомнения»²². Третья группа исследователей полагает, что категория «неустановление события преступления» означает «недоказанность события преступления»²³, не имеет расширительного толкования и связана только с недостаточностью доказательств²⁴.

Исходя из указанных представлений, одни авторы выступают за использование в законе формулировки «неустановление»²⁵, другие – «отсутствие» события преступления²⁶. Думается, однозначно ответить на вопрос, какое из этих понятий наиболее точно отражает вкладываемый в него смысл, не представляется возможным. Приведенные подходы отличаются зависимостью от доказанности одноименного обстоятельства. Однако как «неустановление», так и «отсутствие» события преступления может выражать недоказанность данного обстоятельства. Равноценно «неустановление» события преступления может иметь место в тех ситуациях, когда с достоверностью установлено отсутствие преступного события. Каждый из рассматриваемых терминов может нести двойную смысловую нагрузку либо в зависимости от целей законодателя употребляться только в одном, необходимом, значении. В этой связи представляется разумным отказаться от поиска скрытого смысла в конкурирующих терминах и руководствоваться закрепленной в ст. 14 УПК РФ презумпцией невиновности, требующей трактовать неустранимые сомнения в доказанности события преступления как его отсутствие.

Кроме того, как верно отмечается многими учеными, недопустимо (в силу их общей сущности) использование различных формулировок оснований отказа в возбуждении уголовного дела, его прекращения и поста-

¹⁸ См., например: *Либус И. А.* Презумпция невиновности и прекращение уголовных дел // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 62–70.

¹⁹ *Оганесян Р. М.* Оправдательный приговор в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 21.

²⁰ См.: *Миронова М. А.* Неустановление события преступления как основание оправдания – анализ понятия // Современная наука : актуальные вопросы теории и практики. Сер.: Экономика и Право. 2017. № 6. С. 63.

²¹ *Суханова Н. Н.* Указ. соч. С. 18.

²² *Рыжаков А. П.* Указ. соч.

²³ *Паночкин А. М.* Неустановленные обстоятельства совершения преступления : проблемы доказывания // Журнал рос. права. 2015. № 11. С. 90–94.

²⁴ См.: *Татьянин Д. В.* Реабилитация в уголовном процессе России : понятие, виды, основания, процессуальный порядок : дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 85.

²⁵ См.: *Миронова М. А.* Указ. соч. С. 64 ; *Оганесян Р. М.* Указ. соч. С. 20–21.

²⁶ См.: *Чурилов Ю. Ю.* Указ. соч. С. 15.

новления оправдательного приговора (п. 1 ч. 1 ст. 24, п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ)²⁷. Такое положение становится причиной заблуждений правоприменителей относительно особого смысла каждой из названных норм, в результате которых роль первой может видеться в достаточности подтверждения отсутствия факта в действительности, а второй – в возможности ее применения и при недоказанности этого обстоятельства.

В силу этого представляется правильным изложить первое основание постановления оправдательного приговора в п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в следующей редакции: «отсутствует деяние, содержащее объективные признаки преступления». Под такими признаками следует понимать обстоятельства, свидетельствующие о возможно совершенном противоправном уголовно наказуемом деянии и (или) о наступлении противоправных общественно опасных последствий. Аналогичные изменения целесообразно внести и в ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Такая формулировка, основанная на используемых Конституционным Судом РФ терминах²⁸, нивелирует неправильное понимание «события» как категории общей теории права, противопоставленной в отраслевом законодательстве понятию «деяние», позволит очертить конкретные критерии квалификации фактических обстоятельств дела по п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ и, следовательно, уменьшить процент ошибок, допускаемых на практике. Сформулированное таким образом основание сможет охватить не только случаи, когда вмененное лицу деяние не существовало вообще, но и такие ситуации, когда деяние, внешне похожее на преступное по последствиям или по действиям, оказалось правомерным, было связано с независимыми от воли человека обстоятельствами или квалифицируется как гражданско-правовой деликт, дисциплинарный проступок, административное правонарушение, но не преступление.

*Саратовская государственная юридическая академия
Манова Н. С., доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного процесса*

*Saratov State Law Academy
Manova N. S., Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Criminal Process Department
E-mail: n.manova@mail.ru*

²⁷ См.: Сеницын А. А. Оценка достаточности доказательств судом при поступлении оправдательного приговора ввиду отсутствия в деянии подсудимого состава преступления // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 128 ; Суханова Н. Н. Указ. соч. С. 8.

²⁸ См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова : постановление Конституц. Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 28-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 26. Ст. 5043.

НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ДОКАЗЫВАНИЯ

Следователь при принятии решения о применении цифровых технологий в процессе доказывания должен, во-первых, основывать свое усмотрение на требованиях уголовно-процессуального закона об обоснованности, мотивированности осуществляемых им процессуальных действий для исключения риска сужения процессуальных гарантий прав, законных интересов участников досудебного производства, во-вторых, верно понимать сущность общечеловеческих моральных ценностей.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровые технологии, следователь, система ценностных ориентаций, нравственность, следственное действие, уголовно-процессуальное доказывание.

THE MORAL FOUNDATIONS OF THE INVESTIGATOR'S USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF PROVING

When making a decision on the use of digital technologies in the process of proving, an investigator must, firstly, base his discretion on the requirements of the criminal procedure law on the validity and motivation of the procedural actions carried out by him to exclude the risk of narrowing procedural guarantees of the rights and legitimate interests of participants in pre-trial proceedings, and secondly, correctly understand the essence of universal moral values.

К е у в о р д s: digital technologies, investigator, system of value orientations, morality, investigative action, criminal procedural proof.

Поступила в редакцию 11 октября 2023 г.

Нормативные акты Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы», от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» определили направления цифровизации правоотношений, возникающих в различных сферах государственного устройства, включая уголовное судопроизводство. В связи с этим важно акцентировать внимание на нравственные основы применения следователем цифровых технологий в процессе доказывания, являющегося основой его уголовно-процессуальной деятельности. Цифровизация рассматриваемой деятельности создает риск сужения процессуальных гарантий прав, законных интересов участников уголовного процесса.

Уточним, что понятие «нравственность» означает моральное качество человека, которыми он руководствуется в своем выборе. Поскольку сле-

дователь – должностное лицо органа предварительного расследования, то нравственные основы его деятельности следует рассматривать и с точки зрения содержания морали, и, как представляется, с точки зрения соответствия закону. Схожая идея усматривается в суждении Н. Н. Апостоловой, которая пишет: «Закрепленные в ст. 21, 23, 24, 28, 51 и в других нормах Конституции РФ требования обязывают должностных лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, действовать, насколько это возможно, максимально нравственно и профессионально»¹. Между тем ряд авторов не исключают возможность несовпадения системы ценностей, присущей следователю, с ценностями общества, одновременно уточняя, что накопление жизненного и профессионального опыта способно изменить свойственные ранее следователю ценности², моральные качества. Такое несовпадение возможно в случае, если следователь глубоко не осознал цели уголовного судопроизводства – защита прав не только потерпевших, но и подозреваемых, обвиняемых. Последнее не позволяет создать нравственную основу выбора следователю форм поведения, которые, как считают Н. С. Манова, М. А. Баранов, исходят из понимания сущности общечеловеческих моральных ценностей, обуславливающей единую правовую и нравственную оценку уголовно-процессуальной деятельности³.

Анализируя нравственные основы применения следователем цифровых технологий в процессе доказывания, следует отметить, что повышенное внимание требуют те направления рассматриваемого применения, которые с большей долей вероятности сопряжены с ущемлением прав, законных интересов личности. Следует полагать, что речь должна идти о производстве следственного действия – основного способа собирания, проверки уголовно-процессуальных доказательств. По мнению Н. Н. Апостоловой, под влиянием цифровизации меняются и будут меняться формы и способы расследования уголовных дел, «но суть и смысл этой деятельности, состоящей в служении нравственному закону, правде и справедливости, остаются неизменными»⁴.

Принимая решение о производстве следственного действия с применением системы видео-конференц-связи (далее – ВКС), следователь руководствуется собственным убеждением о целесообразности применения указанной цифровой технологии. Именно его система нравственных ценностей позволяет обоснованно (возможно, необоснованно) учитывать недостаточный уровень цифровой подготовки участника следственного действия, его ненадлежащее состояние здоровья, социально-возрастную незрелость, иные подобного рода обстоятельства. Несмотря на необходимость обе-

¹ Апостолова Н. Н. Цифровые технологии и нравственный закон в российском уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2022. № 12. С. 3.

² См.: Плетнев В. В., Пшавя В. В. К вопросу о роли усмотрения следователя при выборе тактических приемов осуществления следственных действий // Российская юстиция. 2020. № 8. С. 33.

³ См.: Манова Н. С., Баранова М. А. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 3. С. 569–570.

⁴ Апостолова Н. Н. Указ. соч. С. 3.

спечения оперативности производства по уголовному делу, следователь в приведенных случаях следственное действие должен проводить без применения ВКС. Игнорирование указанным властным субъектом обозначенных обстоятельств приведет к нарушению справедливости – обязательного требования, предъявляемого к уголовно-процессуальной деятельности следователя, включая уголовно-процессуальное доказывание.

Вместе с тем усилению нравственных начал в уголовно-процессуальной деятельности следователя, который обязан руководствоваться нормами уголовно-процессуального закона, способствовало бы дополнение ст. 189.1 УПК РФ предписанием об условии принятия им решения о проведении следственного действия с применением системы ВКС – с согласия лица, участвующего в следственном действии, на применение ВКС.

Соответствию уголовно-процессуального доказывания требованиям морали, гуманности способствовало бы закрепление в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня обстоятельств, учитываемых при выборе режима производства следственного действия – с использованием системы ВКС. В этом направлении существует положительный зарубежный опыт. В частности, в уголовно-процессуальном законе Эстонской республики, Республики Молдовы, Киргизской Республики закреплены такие условия производства следственного действия с применением ВКС, как необходимость обеспечения безопасности свидетеля, состояние здоровья участника следственного действия, препятствующее явке в суд и др.

Раскрывая нравственные основы применения следователем цифровых технологий, следует обратить внимание на порядок осуществления им видеозаписи в ходе предварительного следствия. Ее применение не может исключить злоупотребления со стороны следователя, иных участников следственного действия, поскольку в законе не уточнен объект видеосъемки. На практике в качестве такового выступает либо кабинет следователя, либо монитор компьютера для фиксации действий лица, дистанционно участвующего в следственном действии, предметы, предъявленные в кабинете следователя потерпевшему, свидетелю для опознания лицу. Представляется, что каждый следователь самостоятельно определяет объект видеозаписи, равно как и установление характера обзора видеозаписи: круговой или направленный.

Приведенное усмотрение следователя может полностью соответствовать требованиям закона об обоснованности, мотивированности осуществляемых им процессуальных действий, а может вступать в явное противоречие с указанными законодательными предписаниями. Как верно отмечают В. В. Плетнев, В. В. Пшава, следователь должен осознавать значение усмотрения, на которое он имеет право, для реализации поставленных перед ним задач и делать свой выбор разумно⁵. Такой выбор базируется на системе нравственных ценностей, которыми обладает следователь, основу которой составляет правосознание. Следует согласиться с авторами, которые правосознание следователя расценивают как совокупность взглядов,

⁵ См.: Плетнев В. В., Пшава В. В. Указ. соч. С. 33.

идей, чувств, эмоций, переживаний и устанавливают корреляцию его нравственных ценностей от образования следователя, профессионального опыта рассматриваемого субъекта, личностных качеств⁶.

Между тем, поскольку видеозаписи следственного действия, особенно произведенного с применением системы ВКС, судом при рассмотрении уголовного дела по существу придается особое значение как уголовно-процессуальному доказательству, то в целях обеспечения информативности, объективности видеозаписи следственного действия целесообразным представляется уточнение в ч. 4 ст. 189.1 УПК РФ объекта видеозаписи. Значимость вносимого предложения усиливается при производстве следственного действия с применением ВКС.

Несоответствие критерию справедливости, требованиям защиты прав личности, участвующей в досудебном производстве, следует расценивать действия следователя при ознакомлении им с протоколом следственного действия, проведенного с применением ВКС, участника такого действия. При использовании системы ВКС в ходе допроса, очной ставки, опознания протокол следственного действия зачитывается (оглашается) следователем во всех случаях в отличие от общего порядка – только по просьбе участника следственного действия (ч. 6 ст. 190 УПК РФ).

Такое предписание закона нивелирует возможность следователя проверить полноту, правильность, достоверность данных участником следственного действия показаний ввиду сложности восприятия на слух последним содержания указанного процессуального документа. Для преодоления отмеченного затруднения в уголовно-процессуальном доказывании необходимым является направление протокола следственного действия на электронный ресурс органа предварительного расследования, где находится участник следственного действия, в целях обеспечения непосредственного ознакомления им с указанным протоколом, если он об этом заявит ходатайство⁷.

Большинство цифровых технологий безусловно полезны для осуществления уголовно-процессуального доказывания, поскольку способствует повышению оперативности производства по уголовному делу, обеспечению сохранности данных предварительного расследования, соблюдения прав, законных интересов участников уголовного судопроизводства. В определенной степени они взаимодополняют друг друга. Так, применение следователем квантовых технологий позволит не только хранить, исключая искажение, большие данные, но и безопасно обмениваться ими следователем с иными властными субъектами досудебного производства, с правоохранительными органами; технологии беспроводной связи обеспечивает следователю оперативное получение данных из федеральных служб ведущих конкретные учеты – Росреестр, ФНС и др. Вместе с тем очевидным является невозможность замены познавательной, мыслительной деятельности следователя искусственным интеллектом как при принятии им промежуточно-

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Малышева О. А. Процессуальные гарантии прав участников следственных действий, производимых с применением системы видео-конференц-связи // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6. С. 79.

го процессуального решения, так и итогового (например, о прекращении уголовного дела/уголовного преследования в связи с примирением сторон и т.п.)⁸.

Применение цифровых технологий в досудебном производстве сопровождается острой дискуссией специалистов по формам обозначенного применения, возможных рисках при замене когнитивной деятельности следователя искусственным интеллектом. Сущностно же уголовно-процессуальная деятельность следователя, включающая сбор, проверку, оценку доказательств, при интенсивном применении цифровых технологий не изменится. «Как и любое творение рук человеческих, ИТ-технологии (равно как и другие технологии) являются всего лишь инструментом в руках судей, прокуроров, следователей, дознавателей»⁹. Применение цифровых технологий позволит оптимизировать делопроизводственную, организационно-техническую деятельность следователя, например, систематизировать процесс создания и проверки процессуальных документов в целях выявления и своевременного исправления допущенных нарушений (отсутствие необходимых реквизитов документа, подписи участников, отметок о предупреждении об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и др.)¹⁰.

Таким образом, для недопущения неэтичного поведения следователя в процессе доказывания по уголовным делам первоначально требуется совершенствование уголовно-процессуального закона. Не меньшее значение в этом плане имеют свойства личности следователя, уровень его профессионализма, жизненный опыт, определяющие систему его ценностных ориентаций, которые, как представляется, должны соответствовать нравственным ожиданиям общества.

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*

*Малышева О. А., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовно-процессуального права*

Kutafin Moscow State University of Law (MGU)

*Malysheva O. A., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Procedure Law Department
E-mail: oamalysheva@msal.ru*

⁸ См.: Малышева О. А. Досудебное производство в уголовном процессе : состояние и перспективы развития. М., 2023. С. 87–88.

⁹ Апостолова Н. Н. Указ. соч. С. 3.

¹⁰ См.: Малина М. А. Цифровизация российского уголовного процесса : искусственный интеллект для следователя или вместо следователя // Российский следователь. 2021. № 2. С. 30.

ПОНЯТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ

В данной научной статье изучается проблема определения понятия «профессионал» и его связь с профессиональной этикой среди преподавателей юридической этики. Автор указывает на отсутствие консенсуса по данному вопросу и отмечает это как этический недостаток в российском юридическом образовании. Также обращается внимание на этические проблемы, связанные с профессиональной деятельностью в сфере права и требующие специальных моральных стандартов. Автор предлагает более углубленно обучать профессиональной этике, в том числе за счет повышения культурного уровня преподавателей и студентов, и подчеркивает необходимость учить студентов на практических примерах и ситуациях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессионализм, профессиональная этика, юридическая этика, консенсус, этические проблемы, образование, нравственность, моральные стандарты.

CONCEPT OF PROFESSIONAL ETHICS IN LEGAL EDUCATION FOR LAW STUDENTS

This scientific article explores the issue of defining the concept of "professional" and its connection to professional ethics among legal ethics educators. The authors point out the lack of consensus on this issue and consider it an ethical shortcoming in Russian legal education. They also address ethical problems related to professional activity in the field of law, which require special moral standards. The authors propose improving the education of professional ethics, including by raising the cultural level of teachers and students, and emphasize the need to teach students through practical examples and situations.

К е у в о р д s: professionalism, professional ethics, legal ethics, consensus, ethical problems, education, morality, moral standards.

Поступила в редакцию 15 октября 2023 г.

Что значит быть «профессионалом»? Этот вопрос лежит в основе любой попытки преподавать профессиональную этику. Несмотря на ее неоспоримую центральную роль, среди нынешнего поколения преподавателей юридической этики нет единого мнения относительно того, что на самом деле означает этот термин, помимо его очевидных исторических и описательных коннотаций. Мало кто, конечно, станет отрицать, что юристов традиционно считали «профессионалами» или что в сознании многих это определение несет в себе нормативные последствия в отношениях между юристами и обществом, которое связывает «юридическую профессию» с их спецификой деятельности, а также с рядом других профессиональных групп (например, врачей). Однако весьма спорным является вопрос о том, верны ли эти нормативные утверждения. Если это так, то следует признать, что это желательно с точки зрения соци-

ума. Более того, даже среди тех, кто считает, что эта концепция имеет некую независимую нормативную ценность, которую стоит сохранить, утверждение о том, что «профессионализму» можно научить, остается глубоко спорным.

В данной статье мы утверждаем, что отсутствие консенсуса относительно значения и нормативной ценности профессионализма является симптомом глубокого этического недостатка российского юридического образования, который, как мы подозреваем, распространен и в юридических школах в других частях мира: упорная неспособность юридической школы сделать нормы, структуры и условия юридической практики предметом серьезного преподавания или изучения. Мы полагаем, что обозначенная проблематика глубже, чем обычная критика того, что существует растущее разделение, или, по словам одного влиятельного источника, «расхождение», между юридической академией и профессией, которой она должна служить? Напротив, это не что иное, как этическая неспособность юридической академии удовлетворить законные потребности трех ее основных групп: студентов, правоприменителей и общества в целом.

Помимо общих моральных и этических проблем, которые влияют на каждого из нас до определенной степени, существуют также вопросы, прямо связанные с профессиональной деятельностью и осуществлением конкретных социальных функций. Специалисты из сферы права часто сталкиваются с уникальными этическими вопросами, решение которых в значительной степени зависит от специфичных моральных стандартов. Например, для медицинских работников с античных времен существовала специфическая этика, которая затем была трансформирована в медицинскую этику в более широком смысле. Были также исследованы уникальные моральные проблемы, связанные с деятельностью политиков и государственных служащих. Сейчас приемлемые нормы поведения, порядок и управление, а также основные принципы этики и моральные кодексы не присущи только области управления и экономики. Наоборот, они становятся нормой организационных процессов в юридической сфере.

Изменение роли профессиональной деятельности в работе юристов обусловлено трансформацией общества в целом. В результате переосмысления системы ценностей в области права и общества особый акцент теперь делается на отдельного человека, в то время как организации, осуществляющие защиту и применение законов, служат ему. По мере усилий представителей юридической профессии способствовать решению возникающих у общества проблем и предоставить им больше свободы в принятии решений, профессиональная этика получает все больше признания.

Этические дилеммы перед представителями юридической профессии возникают в связи с особыми требованиями их работы в современном государстве, а также в связи с их социальной ролью. Например, деятельность судьи, следователя, прокурора, дознавателя имеет государственный характер и включает наблюдение за соблюдением законов, расследование уголовных дел, поддержание общественной стабильности, порядка и безопасности и предотвращение немедленной угрозы, раскрытие преступлений. Для выполнения этих обязанностей общество предоставляет широкие полномочия,

включая применение насилия и нарушение прав человека. По этой причине профессиональная деятельность юристов очень часто находится на грани между обеспечением прав и нарушением персональных свобод. Это, возможно, главная причина, почему люди относятся к полиции, прокуратуре и службам расследования с недоверием, несмотря на то, что они знают, что эти службы необходимы. Данный аспект подчеркивает главную профессиональную проблему тех, кто применяет право, связанную с их социальным статусом, и это должно быть принято во внимание при разработке вопросов и задач, связанных с правами человека и профессиональной этикой.

На основе вышесказанного можно заключить, что правовое и этическое измерения тесно связаны в области прав человека. С учетом этих рассуждений о профессиональной этике юриста работники в сфере права должны стараться не только углубить свои знания о правах человека, но и усилить роль этики в своей ежедневной работе. В этой связи особое внимание следует уделить этическому образованию и обучению нормам морального поведения будущих юристов.

Термин «профессиональная этика» может иметь по крайней мере три различных, хотя и связанных, значения. Самое общее понимание этого термина относится к этике «всей семьи профессий», которую мы называем «профессиями»¹. Те, кто придерживается этого значения, считают, что возможно выделить стабильный набор критериев для классификации профессий, имеющих право называться профессиями, и что все те, кто подпадает под это обозначение, разделяют важные нормативные обязательства².

Второе значение фокусируется на конкретной профессии, такой как право, и пытается определить те нормативные характеристики, которые являются уникально «профессиональными». В отличие от тех, кто придерживается более общего использования, лица, заинтересованные в «юридической этике», не обязаны утверждать, что они могут обосновать профессиональный статус юристов с помощью какого-то набора объективных критериев или что «профессиональные» нормы, которые они определяют, будут обязательно разделяться другими профессионалами. Вместо этого такие теоретики обычно берут профессиональный статус как данность и задаются вопросом, каких этических ценностей должны придерживаться юристы в свете уникальной позиции юридической профессии в обществе³.

Наконец, последнее использование принимает описательную и инструментальную точку зрения профессиональной этики. Вместо того чтобы спрашивать, какие нормы должны разделять профессионалы (либо в общем, либо в конкретной профессии), те, кто использует этот термин в третьем смысле, задаются вопросом, какую этику фактически проявляют профессионалы. Это

¹ См.: Цвык В. А. Профессиональная этика : проблемы теории и методологии // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Философия. 2012. № 3. С. 148–161.

² См.: Мартыанова Н. А. Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2(36). С. 112–115.

³ См.: Орехов А. М., Галузо В. Н., Равичандрян К. Об этике правоприменения в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2018. № 11(167). С. 34–39.

исследование значения профессиональной этики может проводиться как на уровне групповой идеологии, так и на уровне индивидуального поведения. На коллективном уровне ученые изучают официальные обоснования, предложенные профессионалами для своих этических стандартов, и спрашивают, насколько эти нормы фактически служат их заявленным целям или являются более удобным прикрытием для действий, связанных с продвижением профессиональных интересов. В отношении отдельных лиц задается вопрос, соответствует ли их поведение заявленным нормам, ценностям и стандартам профессии⁴.

Несмотря на то что большинство ученых, интересующихся профессиональной этикой, признают важность всех трех пониманий, в каждом из аспектов, где обычно преподают профессиональную этику, один или другой из этих подходов обычно преобладает. Эта сегментация, в свою очередь, способствовала возникновению и усилению растущего цинизма среди ученых, практиков и общественности относительно того, имеет ли понятие профессионализма какое-либо самостоятельное нормативное содержание, которое стоит сохранять.

Представители российской системы высшего профессионального образования в области гуманитарных наук, где обсуждаются вопросы профессиональной этики, обычно придерживаются первого значения. Самый часто задаваемый вопрос в этих ситуациях заключается в том, есть ли что-то достаточно отличительное в профессиональной деятельности, что оправдывает наложение нормативных стандартов на тех, кто занимает социальные роли, отличные от правил общей морали. В значительной части случаев ученые, преподающие эти курсы, скептически настроены по отношению к подобным утверждениям. Этому скептицизму есть две основные причины. Во-первых, многие социологи утверждают, что невозможно определить устойчивый и объективный набор критериев для разграничения профессий и других видов занятости, хотя они стремятся к социальным и экономическим преимуществам, которые приходят с профессиональным статусом, эти преимущества имеют меньший успех, чем у врачей и юристов в достижении своих целей. Во-вторых, философы часто критически относятся к аргументам, которые основаны на существовании «дифференцированной морали роли», особенно в тех случаях, когда аргумент утверждает, что люди, занимающие определенную позицию в обществе, освобождены от моральных обязательств, которые регулируют поведение обычных граждан.

В этой связи полагаем, что обучение дисциплине «Профессиональная этика» должно быть усовершенствовано для повышения уровня нравственности среди юристов. Эта область преподавания выявляет понимание таких этических концепций у грядущих юристов, как добро и зло, обязанность, честь, совесть и личное достоинство. При этом важно акцентировать внимание на ситуациях, где были нарушены моральные принципы в профессиональных областях, в частности, обсуждая ужасающую проблему коррупции, которая под-

⁴ См.: *Похилько В. В., Крупенко Д. С.* Профессиональная этика юриста при проведении юридического консультирования // Научные исследования в современном мире. Теория и практика : сб. избр. ст. Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 10 апреля 2022 г. СПб., 2022. С. 65–67.

рывает нравственные ценности тех, кто морально и в силу обязанности призван защищать законы, и заметно влияет на этическую атмосферу в служебных коллективах. Нарушение моральных стандартов также становится основной причиной такого явления, как круговая порука среди служебных коллективов. Обсуждая эти вопросы, студенты начинают формировать отталкивающее отношение к подобным действиям, осознавая их легальные и моральные последствия на государственном уровне.

Важным аспектом этического образования является подготовка студентов к патриотическому образцу поведения, который включает признание и уважение достижений нашей страны, а также к активной деятельности законодательных и исполнительных органов для улучшения экономического и политического положения страны. Через понимание этих достижений студенты развивают гордость и уверенность в проделанной страной работе и ее пути к прогрессу⁵.

Воспитание будущих юристов – это сложная и многоаспектная задача. Определение личности происходит в обществе, а общество в свою очередь может оказывать как положительное, так и негативное влияние на этот процесс. Основная цель этического обучения – развитие и закрепление наилучших нравственных качеств у студентов посредством нравственных чувств и переживаний. Это обучение направлено на формирование нравственного идеала, тесно связанного с философскими вопросами о смысле жизни и становлением профессионала и гражданина.

Воспитание нравственно-этических и профессиональных ценностей требует улучшения культурного уровня как у преподавателей, так и у студентов. Задача преподавателей заключается в том, чтобы передать свои знания в области педагогики, психологии и культуры студентам и научить их использовать эти знания⁶.

Обучение часто встречает препятствия, так как студенты могут испытывать затруднения в осознании отдельных профессиональных проблем и усвоении специфических навыков. «Мягкие» навыки, такие как стандарты поведения и нормы, могут встретить сопротивление со стороны студентов, видящих их как неприменимые в профессиональной этике. Однако игнорирование этих навыков может привести к негативным последствиям⁷.

Наконец, при изучении профессиональной этики очень важно помочь студентам развить их социальную компетентность и познание в области прав человека. Программа обучения должна включать в себя темы, которые позволят

⁵ См.: Лукашева Н. Ю. Патриотизм как моральный фактор профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов // Ученые заметки ТОГУ. 2016. № 16. С. 132.

⁶ См.: Цвык В. А., Цвык И. В. Нравственное воспитание студенческой молодежи в современном обществе // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennoe-vozpitanie-studencheskoy-molodezhi-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 04.09.2023).

⁷ См.: Локтаева Н. Н. Понятие «мягкие навыки» как педагогическая категория: сущность и содержание // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 4 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-myagkie-navyki-kak-pedagogicheskaya-kategoriya-suschnost-i-soderzhanie> (дата обращения: 04.09.2023).

студентам познакомиться со спецификой общения представителей разных религий и культур, чтобы усилить их социальные навыки.

Главная проблема обучения заключается не в том, что именно нужно передать студентам, а в том, каким образом это лучше сделать.

Профессиональная этика юристов строится вокруг прав человека. Обучение этой теме – сложный процесс, включающий множество аспектов, которые можно разделить на три уровня. Глубокое понимание прав человека направлено на то, чтобы обучаемые получили знания, приобрели практические навыки и выработали устойчивые взгляды. Этот процесс направлен на формирование ценностной системы студентов.

Простое слушание лекций и чтение профессиональной литературы не обязательно повышают внимательность слушателей и не гарантируют этического поведения. Такие методы сконцентрированы преимущественно на формировании когнитивных умений. Важно использовать примеры из практики реальных адвокатов, с которыми студенты знакомились во время прохождения стажировок. Этот опыт и прочувствованные эмоции должны стать неотъемлемой частью поведенческого арсенала будущих юристов. С помощью практически полученного опыта, решения межличностных проблем, бесед и обмена опытом можно укреплять уважение, внимание и признательность по отношению к другим людям в обыденной жизни.

Научные работники, занимающиеся обучением профессиональной этике, должны понимать, что просто обучение теории не обеспечивает полного понимания прав человека или гарантированного этического поведения. Для того чтобы судьи, прокуроры, следователи и адвокаты могли работать в соответствии с требованиями общества и принципами этики, необходимо усовершенствование работы правоохранительных и правоприменительных институтов, а также примерное поведение со стороны их руководства.

Проведенное исследование показывает, что в российской системе высшего образования гуманитарных наук, особенно в юридическом образовании, существуют разные мнения относительно понимания профессионализма и его связи с профессиональной этикой. Это может приводить к цинизму и сомнениям относительно значения профессионализма. Полагаем, по результатам исследования мы отчетливо проследили необходимость усовершенствования обучения профессиональной этике для повышения нравственности среди юристов и подчеркнули значимость использования практических примеров и ситуаций для развития социальных компетенций и понимания прав человека.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Серебренникова А. В., доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии*

*Moscow State University named after M. V. Lomonosov
Serebrennikova A. V., Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Criminal Law and Criminology Department
E-mail: serebranna@hotmail.com*

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматриваются отдельные проблемы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, имеющие этический характер, а также предлагаются возможные пути их решения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: уголовное судопроизводство, независимость суда, беспристрастность суда, искусственный интеллект.

ETHICAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses some problems of the use of artificial intelligence in criminal proceedings, which have an ethical nature, and also suggests possible ways to solve them.

К e y w o r d s: criminal proceedings, independence of the court, impartiality of the court, artificial intelligence.

Поступила в редакцию 10 ноября 2023 г.

Развитие цифровой экосистемы на базе искусственного интеллекта (далее – ИИ) вызывает интерес у юристов. Применение ИИ в судопроизводстве видится как естественный шаг в процессе цифровизации судебной системы, однако это также влечет за собой техническую и ментальную революцию.

К числу наиболее важных направлений применения ИИ в судопроизводстве относятся: поиск и анализ судебной практики, предоставление юридических консультаций, составление официальных документов и статистической отчетности, помощь в принятии судебных решений, применение предиктивной юстиции. Из этих направлений два последних представляются наиболее перспективными в контексте «сильного» ИИ, поскольку являются логическим продолжением предыдущих и представляют собой первоначально алгоритмизированные процессы.

Считается, что применение ИИ в любой сфере требует правового регулирования, и особенно это касается уголовного судопроизводства. Вместе с тем говорить о наличии сформированной системы правовых актов в данной области пока рано.

Искусственный интеллект становится все более распространенным в различных сферах жизни, включая судебную систему. Однако использование ИИ в судопроизводстве сталкивается с рядом этических проблем, которые необходимо решать. В данной статье мы рассмотрим основные этические вызовы, связанные с использованием ИИ в судебной системе, и предложим возможные решения для их преодоления.

Этические проблемы использования ИИ в отечественном уголовном судопроизводстве, по нашему мнению, следующие:

1. Проблема обучения. Прежде чем ИИ станет самостоятельно принимать решения, его необходимо обучить это делать. В процессе обучения модели ИИ учатся распознавать паттерны и взаимосвязи в данных.

На начальном этапе необходимо собрать данные, которые отражают интересующую нас проблему. Они могут быть представлены различными типами файлов (текстовые, изображения, аудио и т. п.).

На следующем этапе собранные данные требуется подготовить для использования моделью ИИ, что предполагает преобразование данных в формат, понятный для модели, удаление «мусора» (избыточных или неинформативных данных), а также разделение данных на обучающую и тестовую выборки.

Затем происходит выбор типа модели ИИ, который наиболее подходит для выполнения поставленной задачи. В настоящее время существуют различные типы моделей ИИ, такие как нейронные сети, деревья решений, машины опорных векторов и др.

После этого начинается собственно обучение модели ИИ на подготовленных данных, используя алгоритмы обучения, такие как машинное обучение или глубокое обучение. В процессе обучения модель анализирует данные, находит в них закономерности и учится делать предсказания на основе этих закономерностей. После обучения происходит оценка модели, насколько хорошо она работает. Для этого используется тестовая выборка данных, на которых модель не обучалась. На основе результатов оценки можно понять, насколько модель точна и насколько хорошо она может использоваться для решения поставленной задачи. В зависимости от полученных результатов модель либо используется для решения реальных задач, либо, если результаты неудовлетворительные, отправляется на доработку, где ее улучшают, добавив больше данных или изменив параметры обучения. Этот процесс повторяется до тех пор, пока модель не достигнет приемлемого уровня точности.

С учетом современного уровня цифровизации отечественного уголовного судопроизводства процесс обучения будет крайне затруднен еще на первых этапах сбора и перевода данных в цифровой формат, а также их разметки, поскольку потребует существенных затрат времени и средств. Это проблемы технического характера, но они несут в себе и проблемы этического характера, так как качество выборки данных зависит от того, насколько лица, ее осуществляющие, ответственно и компетентно к ней подойдут. Разметка данных, т. е. присвоение им того или иного типа, происходит вручную. Нельзя исключить субъективизма при принятии решения о том, как маркировать отдельный образец.

Сложности с обучением модели ИИ могут возникнуть и в случаях, когда речь идет о редко повторяющихся событиях. Чем чаще событие, тем больше исходной обучающей информации получит модель, и тем точнее будет предлагаемое ею решение.

Примером последствия неправильного обучения модели ИИ может служить иск, поданный в суд Нью-Йорка на авиакомпанию Avianca. В обоснование своей правоты адвокаты истца представили суду более полдюжины прецеден-

тов по аналогичным делам. Однако, как выяснилось позже, таких прецедентов не существовало, они были придуманы ChatGPT, который использовал один из адвокатов. Таким образом, модель ИИ сама создала недостающие данные по рассматриваемому делу¹. ChatGPT генерирует реалистичные ответы, делая предположения о том, какие фрагменты текста должны следовать за другими последовательностями, основываясь на статистической модели, в которой собраны миллиарды примеров текста, собранных со всего Интернета. В данном случае модель ИИ, похоже, распознала лабиринтную структуру письменной юридической аргументации, но наполнила ее именами и фактами из множества существующих дел.

2. Проблема предвзятости и дискриминации. Эта проблема тесно связана с проблемой обучения и зачастую вытекает из нее.

Предвзятость ИИ – это когда результаты обучения модели ИИ могут привести к дискриминации определенных групп или отдельных лиц. Как правило, это группы, которые исторически подвергались дискриминации и маргинализации по признаку пола, социального класса, сексуальной ориентации или расы, но не во всех случаях. Это могло произойти из-за предвзятых предположений в процессе разработки модели или из-за нерепрезентативности, неточных или просто неправильных данных обучения. Важно подчеркнуть, что предвзятость означает отклонение от стандарта и не обязательно приводит к дискриминации.

Решения, принимаемые моделью ИИ, формируются на основе получаемых ей исходных данных. Если исходные данные несправедливы, полученные алгоритмы могут усилить предвзятость, неполноту или дискриминацию, создавая потенциал для дальнейшего неравенства. Перефразируя И. Канта, «из кривого дерева нельзя сделать прямую доску».

Применительно к использованию ИИ в уголовном судопроизводстве данные, которые будут использоваться для обучения модели, содержатся в уже расследованных и рассмотренных судами уголовных делах. Однако ни у кого нет убежденности, что абсолютно все принятые судами решения в полной мере соответствуют духу и букве закона. Это, во-первых, связано с субъективизмом конкретного судьи, выносящим решение. Мышлению людей характерна субъективность. Ни один человек не может быть абсолютно объективен в своих оценках. Такова человеческая натура. Но, как отметил Д. Гершгорн, «если мы обучаем системы машинного обучения имитировать решения, принятые в предвзятом обществе, используя данные, генерируемые этим обществом, то эти системы обязательно будут воспроизводить его предубеждения»². Во-вторых, ошибочные решения могут выноситься в силу недостаточной компетентности, неверного понимания норм уголовного или материального права.

¹ См.: Here's What Happens When Your Lawyer Uses ChatGPT // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2023/05/27/nyregion/avianca-airline-lawsuit-chatgpt.html?smid=tw-nytimes&smtyp=cur> (дата обращения: 05.09.2023).

² Gershgorin D. Microsoft warned investors that biased or flawed AI could hurt the company's image (5 February 2019) // Quartz. URL: [//qz.com/1542377/microsoft-warned-investors-that-biased-or-flawed-ai-could-hurt-the-companys-image](https://qz.com/1542377/microsoft-warned-investors-that-biased-or-flawed-ai-could-hurt-the-companys-image) (дата обращения: 21.08.2023).

3. Недостаток прозрачности (проблема «черного ящика»). Использование ИИ может затруднить понимание процесса принятия решений и возможность обжалования.

Модель ИИ представляется многими как некий «черный ящик», в который загружаются определенные данные, а на выходе мы получаем уже готовое решение без всякого объяснения, почему оно именно такое, а не какое-то другое. Следует отметить, что система ИИ не статична, может и должна самообучаться и совершенствоваться. В процессе развития система может менять первоначально заложенные в нее алгоритмы с учетом получаемых данных и опыта принимаемых решений. Таким образом, спустя некоторое время это будет несколько иная по архитектуре система, возможно, уже не понятная до конца не только пользователю, но и ее начальному разработчику. Вместе с тем модель ИИ все же может быть проверена, в отличие от мозга человека. Если и существует проблема непрозрачности принятия решения, то в большей степени она присуща человеческому мышлению. До настоящего времени наука так и не смогла описать мыслительный процесс человека. Исследуя в судебном заседании доказательства по делу, его участники могут прийти к различным выводам. Недаром существует выражение: «два юриста – три мнения». Мы не можем достоверно знать, что происходит в момент оценки доказательства в голове судьи или другого участника процесса, какие логические выводы он делает, исходя из своих знаний, опыта, насколько он беспристрастен в принятии решения.

Для обеспечения прозрачности в работе модели ИИ необходимо раскрывать информацию о том, как работает система, какие данные используются для ее обучения и какие решения принимает модель ИИ. Также важно обеспечивать возможность для пользователей понимать и контролировать процесс принятия решений системой.

Кроме того, для обеспечения прозрачности в работе модели ИИ можно использовать различные инструменты, такие как открытые API, доступ к исходному коду системы, предоставление информации о точности и надежности системы. Также важно предоставлять пользователям возможность задавать вопросы и получать ответы от системы, а также возможность обжаловать решения, принятые системой.

В целом, обеспечение прозрачности в работе модели ИИ является важным аспектом для доверия пользователей к системе и для обеспечения ее справедливого и эффективного использования.

Кроме того, прозрачность в работе модели ИИ может помочь предотвратить возможные злоупотребления со стороны системы, такие как дискриминация или нарушение прав человека. Прозрачность также может помочь улучшить качество работы системы, так как пользователи могут сообщать о проблемах и ошибках, которые могут быть устранены.

Однако следует учитывать, что обеспечение полной прозрачности в работе модели ИИ может привести к некоторым проблемам, таким как снижение безопасности системы из-за возможного использования уязвимостей злоумышленниками. Поэтому важно найти баланс между прозрачностью и безопасностью системы.

Кроме того, обеспечение прозрачности может способствовать улучшению доверия к системе со стороны пользователей и повышению уровня общественного контроля над ИИ. Это может помочь обеспечить более эффективное и справедливое использование системы, а также предотвратить возможные злоупотребления.

Таким образом, обеспечение прозрачности в работе ИИ является важным аспектом этического использования систем искусственного интеллекта. Однако необходимо учитывать возможные риски и находить баланс между прозрачностью, безопасностью и эффективностью системы.

4. Недостаток контроля. Если решения принимаются моделью ИИ без участия человека, это может привести к отсутствию контроля над процессом со стороны общества.

Недостаток контроля является одной из этических проблем использования модели ИИ в уголовном судопроизводстве. Он возникает из-за того, что решения, принимаемые моделью ИИ, могут быть неконтролируемыми со стороны общества. Это может привести к нарушениям прав человека и несправедливым решениям. Для решения этой проблемы необходимо обеспечить прозрачность работы модели ИИ, чтобы общество могло контролировать его работу. Также необходимо обеспечивать возможность обжалования решений, принятых ИИ.

Контроль за работой модели ИИ может осуществляться различными способами. Например, это может быть общественный контроль, когда общество имеет возможность контролировать работу системы через открытые источники информации. Также контроль может осуществляться государственными органами, которые регулируют использование ИИ в судебной системе. Кроме того, контроль может осуществляться самими системами ИИ, когда они предоставляют информацию о своих решениях и процессах принятия решений.

5. Потеря судом независимости. Суд, рассматривающий дело, должен быть независим. Это один из основополагающих принципов правосудия. Судья при рассмотрении дела обязан придерживаться независимой и беспристрастной позиции в отношении всех участников процесса³. Как закреплено в Кодексе судейской этики: «Судья должен осуществлять судейские полномочия, исходя исключительно из оценки фактических и правовых обстоятельств дела, в соответствии с внутренним убеждением, уважая процессуальные права всех участвующих в деле лиц, независимо от какого-либо постороннего воздействия, давления, угроз или иного прямого или косвенного вмешательства в процесс рассмотрения дела, с какой бы стороны оно не оказывалось и какими бы мотивами и целями не было вызвано» (ст. 8)⁴.

Тем не менее решение, предлагаемое моделью ИИ, может оказать определенное давление на судью, принимающего решение по делу, особенно когда внутренне убеждение судьи противоречит мнению, предлагаемому моделью

³ См.: *Шабанов Н. П. Независимость судей : международный и российский опыт правового регулирования // Судебная власть и уголовный процесс. 2021. № 2. С. 62–67.*

⁴ Кодекс судейской этики от 19 декабря 2012 г. : утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 05.10.2022).

ИИ. У судьи может возникнуть соблазн согласиться с ИИ вместо того, чтобы принять самостоятельное решение, идущее вразрез с мнением системы. В данной ситуации сложно говорить о полном и всестороннем изучении материалов дела судьей-человеком, ведь ИИ уже сделал это за него.

Примером такого влияния на судью является внедрение систем с ИИ в судебную систему Китая, которое началось в 2016 г. Система, основанная на технологии машинного обучения, автоматически просматривает судебные дела на наличие ссылок, рекомендует законы и постановления, составляет проекты юридических документов и исправляет предполагаемые человеческие ошибки, если таковые имеются, в приговоре. Рассматривая дело, судья видит решение, принятое ИИ, и должен либо согласиться с ним, либо письменно обосновать свое несогласие. При этом с 2022 г. такого рода консультации с ИИ являются обязательными. Как отмечают критики данной системы, судьи чаще соглашались с рекомендациями ИИ, чтобы избежать проблем, связанных с оспариванием систем⁵. Нельзя не согласиться с тем, что такого рода реформирование судебной системы направлено на сокращение судебского усмотрения и ограничение полномочий судьи в принятии самостоятельного объективного решения.

В настоящее время еще рано говорить о широком распространении ИИ в отечественном уголовном судопроизводстве, а тем более о замене судьи-человека моделью ИИ. Однако внедрение рассматриваемых технологий в расследование и судебное разбирательство по уголовным делам – это ближайшая перспектива. Общество и государство должны подойти к этому этапу развития полностью готовыми, располагая, в том числе, как системой этических требований, так и нормативной правовой базой, регламентирующей порядок использования моделей ИИ в уголовном судопроизводстве. Обучение и использование моделей искусственного интеллекта требует тщательной подготовки и анализа данных, выбора подходящей модели и ее обучения. Эти процессы связаны с рядом этических вопросов, которые необходимо учитывать для обеспечения справедливого и обоснованного применения ИИ в судебной системе.

Воронежский филиал государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова
Карташов И. И., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры правовых и гуманитарных наук

*Voronezh Branch Admiral Makarov State University
of Maritime and Inland Shipping*
Kartashov I. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Legal and Humanitarian Sciences Department
E-mail: iik_vrn@mail.ru

⁵ См.: China's court AI reaches every corner of justice system, advising judges and streamlining punishment. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3185140/chinas-court-ai-reaches-every-corner-justice-system-advising> (дата обращения: 14.05.2023).

НЕКОТОРЫЕ НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обращается внимание на проблемы, связанные с применением цифровых технологий в уголовном процессе России, на опыт других стран, включая постсоветские и азиатские, который может быть полезен для России. Приводится пример Казахстана, который является лидером в интеграции цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов. Исследуется ряд нравственных проблем, связанных с использованием цифровых технологий в уголовно-процессуальной деятельности, в том числе с двойным документооборотом, что может привести к злоупотреблениям и нарушению законных прав и интересов граждан. Обосновывается необходимость разработки одной обязательной электронной формы на основе отечественных технологий и программ.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровые технологии, уголовно-процессуальная деятельность, нравственность, обязательная электронная форма.

SOME MORAL ASPECTS OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITIES

Attention is drawn to the problems associated with the use of digital technologies in the criminal process of Russia, to the experience of other countries, including post-Soviet and Asian, which may be useful for Russia. The example of Kazakhstan, which is a leader in the integration of digital technologies into the activities of law enforcement agencies, is given. A number of moral problems related to the use of digital technologies in criminal procedural activities are investigated, including double document flow, which can lead to abuse and violation of the legitimate rights and interests of citizens. The necessity of developing a single mandatory electronic form based on domestic technologies and programs.

K e y w o r d s: digital technologies, criminal process, morality, mandatory electronic form.

Поступила в редакцию 18 октября 2023 г.

Одной из проблем в современном российском уголовном процессе является вопрос применения цифровых технологий в осуществлении досудебной деятельности и на этапе судебного рассмотрения. Наряду с техническими проблемами реализации возникают вопросы безопасности, целесообразности и возможности соблюдения принципов уголовного процесса. Кроме того, низкий уровень интеграции цифровых сервисов в работе правоохранительных органов серьезно замедляет возможности их дальнейшего развития. Поэтому особое значение приобретает опыт других стран. В то время как большая часть авторов ориентируется на Запад как наиболее прогрессивный, многими исследователями упускается опыт как азиатских стран, так и стран постсоветского пространства. Наиболее показателен из них пример Казахстана, поэтому мы обратимся к нему. На наш взгляд, опыт именно этой страны показывает, что часто пере-

довыми оказываются отнюдь не страны, которые являются лидирующими по экономическим показателям. Уровень цифровизации во многих постсоветских странах выше, чем в ЕС и США, а развитие и скорость банковских трансграничных платежей наиболее развита в странах Юго-Восточной Азии¹.

Казахстан является хотя и не пионером, но одним из лидеров на постсоветском пространстве в интеграции цифровых технологий в деятельность правоохранительных органов. Во многом это стало результатом планомерной работы государства. Так уже с 2013 г.² создавалась система электронного уголовного дела, новшество, которое стало отправной точкой для цифровизации. Однако в 2020 г. в связи с пандемией Sars-Cov-2 все системы электронного судопроизводства были подвергнуты серьезному тесту на их применимость в качестве основной формы проведения уголовного судопроизводства³, что поставило много вопросов, в числе которых и морально-этические. Начиная от соблюдения конфиденциальности вплоть до того, насколько суд в рамках признания экстраординарности ситуации в целях соблюдения принципа справедливости мог идти на неурегулированную законом «территорию» для обеспечения работы⁴.

В ст. 42.1 УПК Казахстана электронное судопроизводство не является обязательной формой процесса, хотя все больше преобладает над бумажным. Однако это порождает целый ряд проблем, так как сама трансформация не доведена до конца. На наш взгляд, электронная форма должна исключать бумажную, так как существование двух форм создает предпосылки для злоупотребления и ведет к нарушению законных прав и интересов граждан, в первую очередь на рассмотрение дела в разумные сроки, так как двойной документооборот не только увеличивает работу органов предварительного расследования, но и создает пространство для злоупотреблений. Так, в Казахстане участники уголовного судопроизводства могут знакомиться с материалами дела через соответствующий сервис, однако когда оно оставляется в бумажном виде, то может быть загружено с опозданием, более того, бумажный формат, в отличие от электронного, где обязательна полная фиксация действий работников, является более удобной формой для подделки документов и оформления их «задним числом», что не позволяет тому же адвокату в установленные законом сроки отреагировать на незаконное принятое решение. Таким образом, система фактического двойного документооборота, никак не урегулированная в УПК РК, создает амбивалентную ситуацию. На наш взгляд, с точки зрения справедливости соблюдения состязательности и принципа законности ло-

¹ См.: Vietnam, Philippines and Brunei to join cross-border QR payment scheme 04.09.2023. URL: <https://asia.nikkei.com/Economy/Vietnam-Philippines-and-Brunei-to-join-cross-border-QR-payment-scheme> (дата обращения: 27.08.2023).

² См.: *Тлеубаев Д. К., Иманбаев С. М., Карымсаков Р. Ш.* Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан : становление и практика применения // *Colloquium-journal*. 2021. № 11 (98). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-ugolovnogo-protsesa-v-respublike-kazahstan-stanovlenie-i-praktika-primeneniya> (дата обращения: 27.08.2023).

³ См.: *Водолазкин В.* Дистанционное правосудие по-казахстански. URL: https://forbes.kz/process/distantcionnoe_pravosudie_po-kazahstanski (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ См.: *Сулейменова Г. Ж.* Рассмотрение судом уголовных дел посредством видеосвязи : процессуальное регулирование и реалии. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38147903 (дата обращения: 28.08.2023).

гичнее было бы установить только одну обязательную форму. Определенное удобство в использовании создает наличие шаблонов для процессуальных документов, что, однако, не препятствует применению других форм. Если цель законодателя – внедрение именно электронной системы, то ему необходимо акцентировать внимание на таких ситуациях, при которых альтернативные формы будут существенно дороже.

К сожалению, невозможно полностью решить вопросы нарушений со стороны работников исключительно запрещающими методами. Нужно анализировать причины такого поведения, а не признавать его незаконным, а потому недопустимым. На наш взгляд, подобное поведение можно объяснить сложившимися традициями: новые работники приходят и видят, что так поступают все, особенно сотрудники с большим стажем, которые диктуют правила поведения. Отчасти это связано и с особыми психологическими условиями такой работы, где до сих пор преобладает культура замкнутости, закрытых корпоративных интересов и открыто «маскулинного» соперничества. Подобная обстановка тем более будет толкать участников на совершение правонарушений. Одними из наиболее часто выявляемых нарушений считаются те, в которых жертвы подвергаются крайним формам насилия. Однако каким же образом цифровые технологии в уголовном судопроизводстве могут частично снять названные инциденты? Установка камер лишь отчасти решит проблему, так как всегда будут серые зоны, где не будет контроля. Выходом может быть снижение психоэмоциональной нагрузки за счет увеличения продуктивности труда. Система лингвистической модели, базирующаяся на отобранных корректных образцах процессуальных документов, сможет существенно повысить производительность работников, так как время, затрачиваемое на оформление, будет значительно меньше. Кроме того, данная система сможет сразу же проверять документы на типичные ошибки и риски правонарушений, что позволит снять существенную часть нагрузки с работников, соответственно, использование бумажных носителей будет гораздо менее выгодным и со временем превратится в один из маркеров незаконной деятельности. Будет понятно, что работнику, который затрачивает гораздо большее количество времени на бумажные дела, такие затраты будут выгодны только лишь при необходимости избежать наказания либо могут быть показателем заинтересованности в незаконном обогащении. Также снижение нагрузки на работника должно сопровождаться ограничением на количество дел, которыми он занимается, иначе повышенная производительность приведет лишь к усугублению ситуации.

Во многом именно высокая нагрузка, наряду с ненормированным рабочим днем и тяжелыми условиями, создает стимулы для правонарушений и понижает привлекательность такой работы для молодых специалистов и способствует их быстрому вымыванию из системы, а потому снижает как авторитет профессии, так и доверие к правоохранительным органам, что формирует замкнутый круг и привлекает лишь большее количество людей, заведомо склонных к правонарушениям, и так далее. Соответственно, Российской Федерации, прежде чем вводить подобную систему, необходима комплексная ее проработка, чтобы исключить двойной документооборот и создать такой комплекс, чтобы у работников не становилось больше работы, а использова-

ние бумажной формы допускалось лишь в строго определенных случаях при конкретных обстоятельствах, под которые может быть подведена любая необходимая ситуация.

Другим вызовом для уголовного судопроизводства стало техническое обеспечение рассмотрения уголовных дел судами⁵. Если подача документов еще была решаемой проблемой, то недостаточная техническая оснащенность привела к частому использованию не предусмотренных законом и нерегламентированных программ общего использования, которые не могут обеспечить должный уровень защищенности, как уголовные дела содержат большое количество служебной информации, а также персональных данных и подробностей личной жизни участников уголовного судопроизводства. Кроме того, такие продукты уязвимы, данные участников будут храниться на серверах иностранных компаний, а после событий 2022 г. могут быть использованы для дискредитации органов власти и подрыва национальной безопасности, что недопустимо. Выходом из этой ситуации должен стать программный модуль видеосвязи, интегрированный во все сервисы и приложения, включая «Госуслуги». Для стабильной работы такого комплекса необходимо применение облачного сервиса, серверы которого бы находились в каждом из регионов, а модуль связи был бы сопряжен с модулем туннелирования с функцией восстановления данных вроде `tcp tunnel`⁶, иначе обеспечение качества связи с отдаленными районами будет затруднено.

Определенный интерес представляют и пробелы регулирования в УПК РК. Так, в нем подробно не регламентирован сам процесс использования видеосвязи, а только лишь содержится требование о необходимом качестве. Действующее Положение⁷ регламентирует порядок использования таких средств только лишь в гражданском процессе, не затрагивая уголовного. То есть налицо отсутствие четкого стандарта и требований. Если рассуждать о моральном аспекте ситуации, то очевидно, что при рассмотрении такого дела уменьшается объем гарантий прав. Это в свою очередь приводит к уменьшению возможностей для защиты, т. е. идет речь о нарушении принципа справедливости и законности.

В России на уровень цифровизации судов остается существенно выше, чем на стадии предварительного расследования. Это обнажает проблемы и приводит к асинхронному развитию. В данном случае стоит обратиться к опыту Казахстана, где это стало частью общегосударственной программы. Учитывая общее направление на внедрение цифровых технологий со стороны государ-

⁵ См.: *Лебедев З. С.* Дистанционное взаимодействие с судебными органами в условиях пандемии : возможности и перспективы // Юрид. вестник Самар. ун-та. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dstantsionnoe-vzaimodeystvie-s-sudebnymi-organami-v-usloviyah-pandemii-vozmozhnosti-i-perspektivy> (дата обращения: 27.08.2023).

⁶ KCP – это оригинальный протокол. TUN – виртуальные сетевые драйверы ядра системы. `Kcptun` – реализация туннеля на основе KCP.

⁷ См.: Об утверждении Правил применения технических средств связи, обеспечивающих участие в судебном заседании, и требования к ним : приказ руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарат Верховного Суда Республики Казахстан) от 15 октября 2019 г. № 7. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019499> (дата обращения: 27.08.2023).

ства, следует отметить, что органы предварительного расследования остаются среди наиболее отстающих⁸. Поэтому было бы целесообразно, чтобы в РФ этот вопрос решался не на уровне отдельных ведомств, а как часть комплексной общегосударственной программы. Государство, в особенности в кризисные моменты, должно демонстрировать свою способность проводить последовательную политику и заботиться об интересах своих граждан. То есть это не только политический или правовой вопрос в рамках обеспечения реализации прав человека и гражданина, но и вопрос моральных ценностей государственной деятельности, государственной идеологии, которая сейчас как никогда актуальна. С такой точки зрения этот важный аспект упускается некоторыми исследователями, к примеру, в исследовании НИУ ВШЭ⁹. Из доклада видно, что авторы делают явный упор на подробное изучение лишь опыта стран Западной Европы и в приложениях указывают платные программные продукты. Однако возникает вопрос: «Насколько такие исследования отвечают моральной стороне?» Ведь использование тех же платных программных продуктов, во-первых, делает их недоступными для части населения, а также увеличивает расходы государства на долгосрочную перспективу с учетом оплаты таких сервисов валютой, более того, принимая в расчет события прошлого года, как показала практика, зарубежные контрагенты не могут быть признаны надежными. То есть такой подход показал свою нежизнеспособность и не отвечает потребностям моральности, так как справедливость и общедоступность – это в первую очередь моральные категории. И само право, и государственная политика должны нести такое ценностное содержание, которое будет понятно обществу. Это существенно усилит принятие имплементации новых отечественных технологий.

*Институт «Таврическая академия» Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Кошман В. А., кандидат юридических наук*

***Юрченко Л. В.**, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса*

*V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Koshman A. V., Candidate of Legal Sciences
E-mail: almazzdeus@gmail.com*

***Yurchenko L. V.**, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
of the Criminal Law and Procedure Department
E-mail: lvyur@ya.ru*

⁸ См.: *Шагеева Р. М.* Об использовании видеоконференцсвязи в досудебном производстве по уголовным делам // Правовое государство : теория и практика. 2020. № 4-2 (62). С. 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ispolzovanii-videokonferents-svyazi-v-dosudebnom-proizvodstve-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 27.08.2023).

⁹ См.: Информационные технологии в правосудии : состояние и перспективы. Россия и мир. Аналитический доклад / А. В. Кашанин [и др.] ; отв. ред. А. В. Кашанин. М., 2000. URL: <https://ilr.hse.ru/data/2020/07/14/1597449494/Информационные%20технологии%20в%20правосудии.pdf> (дата обращения: 27.08.2023).

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В РАБОТАХ В. П. КАШЕПОВА

Обращается внимание на важное значение выводов, сделанных В. П. Кашеповым в своих научных трудах, посвященных исследованию принципа гуманизма и его реализации в нормотворчестве. Обосновывается необходимость использования умозаключений ученого при разработке и внедрении уголовных норм, направленных на гуманизацию уголовного законодательства и практики его применения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: принцип гуманизма, уголовное право, уголовный проступок, декриминализация, депенализация.

THE CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE OF THE PRINCIPLE OF HUMANISM IN THE SCIENTIFIC WORKS OF V. P. KASHEPOV

Attention is drawn to the importance of the conclusions made by V. P. Kashepov in his scientific works devoted to the study of the principle of humanism and its implementation in lawmaking. The necessity of using the conclusions of the scientist in the development and implementation of criminal norms aimed at the humanization of criminal legislation and the practice of its application is substantiated.

К е у w o r d s: the principle of humanism, criminal law, criminal misdemeanor, decriminalization, depenalization.

Поступила в редакцию 23 октября 2023 г.

В условиях продолжающейся реформы уголовного права, в том числе в целях смягчения мер уголовной репрессии и экономии ее средств, особую роль приобретает исследование принципа гуманизма как основополагающей идеи уголовного права, направленного на охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Приоритетность работы судебной системы в этом направлении подтверждается результатами X Всероссийского съезда судей и обсуждаемыми проблемами¹.

В этой связи актуальным представляются труды В. П. Кашепова, посвященные принципу гуманизма в уголовном праве.

Владимир Петрович Кашепов – заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, автор и соавтор более 320 научных, научно-практических и

¹ См.: Гуманизация и открытость : ключевые тренды X Всероссийского съезда судей. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/31842/ (дата обращения: 15.07.2023) ; Постановление X Всероссийского съезда судей № 1 от 1 декабря 2022 г. URL: <http://www.vsrfr.ru/siezd-sudiei/49122> (дата обращения: 05.03.2023).

учебно-методических работ по различным правовым проблемам в сфере уголовного и уголовно-процессуального права.

Целый ряд работ ученого посвящены принципу². В. П. Кашепов признает, что гуманизм – это не только общеправовой принцип, а общечеловеческое явление³.

Термин «гуманизм» зародился в эпоху Просвещения⁴ и в каждую последующую эпоху в него вкладывали различное содержание в зависимости от складывающейся системы ценностей, которая, в свою очередь, подлежала правовой защите и регулированию.

На современном этапе принцип гуманизма характеризуется поиском путей и средств его осуществления, возможности претворения в правовые нормы, реализации в правоприменительной и правоохранительной практике, учитывая, что право в рамках принципа гуманизма может довольно эффективно обеспечить права и свободы человека и гражданина, в частности в сфере применения норм уголовного права⁵. В уголовном праве принцип гуманизма является приоритетным направлением деятельности государства по противодействию преступности.

В. П. Кашепов указывает, что «совершенствование уголовного законодательства в России должно проходить с учетом гуманистических ценностей, выявленных и отстаиваемых в процессе мирового правового развития, закрепленного в международных стандартах, содержащихся в теоретических концепциях юриспруденции»⁶. При этом исходя из содержания принципа гуманизма, установленного ст. 7 УК РФ, В. П. Кашепов выделяет два направления (аспекта) законодательного регулирования:

– подчинение иерархии интересов, охраняемых нормами уголовного закона, гуманистических ценностей и в полном отражении в этих нормах приоритета прав и свобод человека и гражданина;

– гуманное отношение к виновным при реализации норм, предусматривающих ответственность за совершенные ими преступные деяния⁷.

Ученым признается, что основным недостатком российского уголовного законодательства является избыточность и недостаточность правового регулирования, в том числе с позиции гуманизма⁸. При этом основным направлением работы ученых и законодателя в сфере уголовно-правового регулирования преступности считается поиск баланса между гуманным подходом в отноше-

² См.: Гуманизация современного уголовного законодательства / под ред. В. П. Кашепова. М., 2015 ; Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства : монография / под ред. В. П. Кашепова. М., 2018 ; Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : научно-практ. пособие / С. П. Андрусенко, Н. А. Голованова, А. А. Гравина ; отв. ред. В. П. Кашепов. М., 2012 ; и др.

³ См.: Гуманизация современного уголовного законодательства... С. 43.

⁴ См.: Там же. С. 39.

⁵ См.: Там же. С. 43.

⁶ Там же. С. 45.

⁷ См.: Там же. С. 48.

⁸ См.: Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства... С. 74.

нии защиты прав и свобод соблюдающих закон граждан и привлечения к ответственности виновных в совершении преступлений. В связи с этим основная задача определяется как выявление на данном историческом этапе опасных для личности, общества или государства деяний, признаваемых преступлениями, и установление видов и мер наказания за их совершение.

В целях дальнейшей гуманизации уголовно-правовых норм В. П. Кашепов предлагает декриминализировать ненасильственные преступления, которые не содержат санкции в виде лишения свободы⁹.

Однако в этом ученый видит значительное снижение приоритета в защите личности, поскольку сроки давности привлечения к административной и уголовной ответственности отличаются, а следовательно, декриминализация некоторых преступлений в разряд административных правонарушений в несколько раз снизит сроки давности привлечения виновных к ответственности.

Еще одним направлением политики государства на гуманизацию уголовного законодательства ученый признает введение новой категории преступлений – минимальной тяжести с особыми уголовно-правовыми последствиями. Этот вопрос сейчас особенно актуален, ведь Верховный Суд РФ внес в Госдуму законопроект о введении в уголовное право понятия «уголовный проступок», что также стало предметом обсуждения на пленарном заседании Совета Судей РФ от 25 мая 2021 г.¹⁰ По логике законодателя в случае совершения деяния впервые и при отсутствии тяжких последствий лицу, его совершившему, назначаются иные меры уголовно-правового характера, поскольку исправление виновного возможно без осуждения в уголовном порядке. Подобное является важным шагом на пути либерализации и гуманизации уголовного закона и позволяет виновным лицам, впервые преступившим закон, избежать судимости и при этом сохранить возможность социализации (устроиться на работу и т. п.). Однако до сих пор эта инициатива Председателя Верховного Суда РФ не получила законодательного закрепления, но продолжает тревожить умы ученых и правоприменителей¹¹.

Принцип гуманизма призван ограничивать избыточность уголовной репрессии и излишнюю карательную направленность уголовной политики государства. В связи с этим идеи гуманизма стали важным направлением совершенствования института назначения наказания и института освобождения от уголовной ответственности и наказания, в том числе повлияли на структуру и виды наказаний, их депенализацию.

Как отмечает В. П. Кашепов, «принятие Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации” стало новым этапом фактической реформы уголов-

⁹ См.: Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства... С. 143.

¹⁰ См.: Выступление председателя Верховного Суда РФ Лебедева В. М. на пленарном заседании Совета судей РФ 25 мая 2021 г. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/30052/> (дата обращения: 01.06.2021).

¹¹ См.: Институт уголовного проступка : дать человеку шанс. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/32410/ (дата обращения: 10.08.2023).

но-правового регулирования, направленного на его гуманизацию и дальнейшую дифференциацию уголовной ответственности и наказания»¹². Законодатель изменил принципы назначения наказания при рецидиве преступления в сторону смягчения, ввел право суда изменить категорию преступления на менее тяжкую, установил систему альтернативных видов наказаний, не связанных с лишением свободы.

Уголовная политика государства предусматривает не только пенализацию по мере увеличения общественной опасности, но и депенализацию в виде освобождения от уголовной ответственности и наказания в зависимости от достижения установленных в УК РФ целей наказания¹³. Например, установлены случаи освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности, введен новый вид освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Однако излишняя гуманизация уголовного законодательства без должного научного обоснования может нанести вред общественным отношениям, сложившемся в конкретных исторических условиях, а следовательно, требует тщательного анализа и оценки сформировавшихся тенденций декриминализации деяний и депенализации при назначении наказаний, учитывая недостаточную реализацию восстановительно-компенсационного правосудия. При этом «создание действенной системы защиты прав человека, втянутого в орбиту уголовного судопроизводства, и прежде всего правосудия, является одной из задач гуманизации уголовной юстиции»¹⁴.

Например, перевод конфискации имущества из наказаний в иные меры уголовно-правового характера с принципиальным изменением оснований применения и объемов конфискуемого имущества без должного научного обоснования привело к тому, что суды крайне редко стали назначать конфискацию имущества¹⁵. При этом институт конфискации как меры уголовно-правового характера не преследует цели исправления осужденного и назначается не за учиненное деяние, а в целях предупреждения использования имущества для совершения новых преступлений, являясь чисто профилактической мерой¹⁶.

Еще одним проявлением принципа гуманизма является проблема гуманного отношения с заключенными. В. П. Кашепов констатирует необходимость концептуальных изменений в уголовно-исполнительной системе в духе международно-правовых стандартов, что позволит существенным образом модернизировать пенитенциарную систему в лучшую сторону¹⁷.

Таким образом, В. П. Кашепов подробно рассмотрел этот основной принцип уголовной политики государства, установил его важность в борьбе за

¹² Гуманизация современного уголовного законодательства... С. 56.

¹³ См.: Там же. С. 112.

¹⁴ Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации... С. 19.

¹⁵ См.: *Непомнящая Т. В.* Проблемы назначения и исполнения конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера // Вестник Омск. ун-та. Серия: Право. 2017. № 2 (51). С. 146.

¹⁶ См.: Гуманизация современного уголовного законодательства... С. 103–105.

¹⁷ См.: Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации... С. 293.

соблюдение баланса взвешенного подхода к человеку (потерпевшему) как к объекту уголовной охраны и меры уголовно-правового воздействия, применяемого к виновному¹⁸, и доказал необходимость тщательного научного обоснования норм, вводимых законодателем с целью гуманизации современного уголовного законодательства.

Кiryushchenko I. I., адвокат,
член Адвокатской палаты Краснодарского края

Kiryushchenko I. I., Lawyer,
Member of the Krasnodar Territory Bar Chamber
E-mail: kiryushchenko@yandex.ru

¹⁸ См.: Гуманизация современного уголовного законодательства... С. 48.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Автор рассматривает нравственные начала в профессиональной деятельности эксперта через призму его процессуальных обязанностей, которые формулирует исходя ряда положений ст. 57 УПК РФ¹, а также норм Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности»².

К л ю ч е в ы е с л о в а: судебная экспертиза, судебный эксперт, нравственные начала, обязанности эксперта, уголовное судопроизводство.

MORAL PRINCIPLES IN THE PROFESSIONAL ACTIVITY OF AN EXPERT IN PRODUCTION IN CRIMINAL CASES

The author examines the moral principles in the professional activity of an expert through the prism of his procedural duties, which he formulates based on a number of provisions of Article 57 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as well as the norms of the federal law «On State Forensic expert Activity».

К е у w o r d s: forensic examination, forensic expert, moral principles, duties of an expert, criminal proceedings.

Поступила в редакцию 26 сентября 2023 г.

Тема нравственных начал в профессиональной деятельности эксперта нова в юридической литературе и является частым предметом обсуждения как среди ученых, так и практиков. Это связано с активным развитием и широким применением судебной экспертизы, проводимой государственными и негосударственными экспертами, привлекаемыми к различным видам судопроизводства, в том числе и к производству по уголовным делам.

К освещению вопросов этических, моральных, нравственных начал в деятельности судебного эксперта в своих работах обращаются В. И. Акопов, П. С. Кузнецов, Н. П. Майлис, С. А. Смирнова, А. В. Хмелева³ и другие авторы.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 04.08.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Акопов В. И. О честности, нравственности, этике судебно-медицинского эксперта и особенностях его деятельности // RELGA. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=magazine> (дата обращения 25.09.2023) ; Кузнецов П. С. Вопросы этики в деятельности судебного эксперта // Российский юридический журнал. 2010. № 2 (71). С. 163–165 ; Майлис Н. П. Этикет судебного эксперта как составляющая профессиональной этики в судебно-экспертной деятельности // Судебная экспертиза Беларуси. 2017. № 1 (4). С. 28–32 ; Смирнова С. А. Этика и аксиология судебно-экспертной деятель-

Пристальное внимание со стороны общественности и научного сообщества к моральному облику эксперта объяснимо. Заключение и показания эксперта являются доказательствами по уголовному делу и прямо или косвенно могут повлиять на чью-то судьбу. Именно по этой причине разумно предполагать, что эксперт – это человек, который обладает высокими моральными и нравственными качествами, от которого ожидают компетентного, принципиального, научного, объективного и аргументированного подхода при подготовке и даче экспертного заключения.

Сомнения в добросовестности эксперта могут послужить основанием для его отстранения от участия по уголовному делу, а его деятельность в рамках уголовного судопроизводства строго регламентирована законом.

Понятие эксперта в уголовном процессе сформулировано в ст. 57 УПК РФ, эта же статья наделяет его правами, содержит в себе запреты в деятельности эксперта, а также предусматривает уголовную ответственность за дачу им заведомого ложного заключения.

При этом, говоря об обязанностях эксперта как участника уголовного судопроизводства, следует отметить, что их прямая формулировка в УПК РФ отсутствует, хотя, на наш взгляд, такие моральные нормы, выражающие основные нравственные начала, как принципиальность, объективность, беспристрастность применительно к деятельности эксперта, составляют важное содержание именно его обязанностей.

Представляется, что многие обязанности эксперта можно сформулировать исходя как из положений ст. 57 УПК РФ, так и других норм УПК РФ, регламентирующих деятельность эксперта в уголовном процессе.

Ряд обязанностей эксперта также содержится в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности», положения которого дополняют нормы уголовно-процессуального закона.

Исходя из смысла ряда статей УПК РФ, можно сформулировать следующие процессуальные обязанности эксперта, которые, на наш взгляд, отражают нравственные начала его деятельности.

Обязанность дать объективное экспертное заключение на основе проведенного исследования.

Представляется, что указанная обязанность вытекает из смысла п. 4 ч. 3 ст. 57 УПК РФ и основана на важном принципе, который в полной мере отражает нравственный аспект в деятельности эксперта – объективность экспертного исследования.

Объективность эксперта при производстве судебной экспертизы складывается из требования формулировки выводов на основе его компетентности, включающей в себя совокупность профессиональных знаний и опыта в конкретной экспертной специальности, а также принципа беспристрастности, т. е. отсутствия личной заинтересованности в результатах проведенного им исследования.

2. Обязанность эксперта нести личную ответственность за данное им заключение (ст. 80, 204, п. 4 ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

ности : баланс смыслов, интересов, новые вызовы времени и старые проблемы // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 159–163 ; Хмелева А. В. Деятельность судебного эксперта : нравственно-этический аспект // Вопросы экспертной практики. 2019. № 1. С. 683–688.

Полагаем, что личная ответственность эксперта за данное им в рамках уголовного дела заключение, может включать в себя три аспекта:

1) уголовную ответственность – в случае совершения экспертом заведомо умышленных действий, направленных на противодействие установлению истины по делу.

Заключение эксперта является полноценным доказательством по уголовному делу, поэтому за дачу заведомо ложного заключения эксперт в соответствии со ст. 307 УК РФ несет уголовную ответственность. Согласно ст. 199 УПК РФ, при производстве судебной экспертизы в судебно-экспертном учреждении ответственность за дачу заведомо ложного заключения эксперту разъясняет руководитель этого учреждения, а если экспертиза производится вне экспертного учреждения, то такая обязанность лежит на следователе.

Ответственность эксперта за дачу заведомо ложного заключения может наступить только в случае, если будет доказан умышленный характер его деяния, например, из личной заинтересованности или по корыстным мотивам. При этом на практике иногда достаточно сложно разграничить факт дачи экспертом заведомо ложного заключения и добросовестного заблуждения;

2) административную либо дисциплинарную ответственность – в случае нарушения экспертом своих профессиональных обязанностей, не дающих основания для привлечения к уголовной ответственности;

3) морально-этическую ответственность, связанную с несоблюдением экспертом этических норм профессиональной деятельности, которая содержит в себе нравственные начала и может выражаться в муках совести за совершенные поступки, в анализе собственного поведения и т. д.

Производство судебной экспертизы предполагает соблюдение ряда этических требований согласно принципу обеспечения прав граждан при назначении и производстве судебной экспертизы. К этим требованиям можно отнести:

– уважение экспертом чести и достоинства лица, в отношении которого производится экспертиза;

– избегание действий, связанных с излишним вмешательством в организм испытуемого без надобности;

– недопущение экспертом действий, угрожающих жизни и здоровью лица, в отношении которого производится экспертиза;

– сохранение тайны сведений, ставших известными эксперту в связи с производством экспертизы.

3. Обязанность эксперта явиться на допрос по поводу данного заключения и дать правдивые показания (ст. 188, 205, п. 6 ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

Уголовно-процессуальный закон не содержит специальных правил, регламентирующих порядок вызова и допрос эксперта. В отношении к вызову эксперта применяются нормы ст. 188 УПК РФ о вызове на допрос свидетеля и потерпевшего. Целью допроса эксперта, согласно ст. 205 УПК РФ, является разъяснение данного им ранее заключения, в случае если у следователя, дознавателя, суда или других участников процесса (по их ходатайству) возникнут вопросы, связанные с проведенным экспертным исследованием. Эксперт не вправе уклоняться от явки по вызову органов предварительного расследования или суда. Согласно ч. 2 ст. 111 УПК РФ в случаях уклонения эксперта от

явки без уважительных причин дознаватель, следователь или суд вправе применить к нему иные меры процессуального принуждения – обязательство о явке, привод, а также денежное взыскание.

Дача экспертом на допросе правдивых показаний является не только его процессуальной обязанностью, регламентированной законом, но и в первую очередь нравственной обязанностью, мерилом которой являются честь, совесть и добропорядочность эксперта.

4. Обязанность эксперта сообщить о невозможности дать заключение также содержит в себе нравственные начала. Эксперт обязан сообщить об этом, когда, во-первых, поставленный вопрос выходит за пределы компетенции эксперта (п. 4, 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ), во-вторых, представленные материалы недостаточны для решения вопроса.

В случаях, когда эксперт не может ответить на поставленный перед ним вопрос в силу недостаточности предоставленных ему на экспертизу материалов или объектов или ответ на вопрос выходит за пределы его специальных знаний, он, согласно ст. 16 Закона, обязан в письменной форме сообщить об этом лицу, назначившему судебную экспертизу.

Указанное в п. 4, 6 ч. 3 ст. 57 УПК РФ необходимо рассматривать не только как права эксперта, но и как его обязанности, потому что аналогичные нормы содержатся также в ст. 16 Закона, которая именуется «Обязанности эксперта». Отказ эксперта от дачи заключения должен иметь письменную форму и соответствующую мотивировку. Вместе с письменным отказом эксперт возвращает следователю или суду полученные им материалы для производства экспертизы.

5. Обязанность эксперта не разглашать данные предварительного следствия и дознания (п. 5 ч. 4 ст. 57 УПК РФ).

Статьей 310 УК РФ предусмотрена ответственность эксперта за разглашение данных предварительного расследования. Указанная норма применительно к эксперту отражает и нравственное начало в его деятельности: несоблюдение конфиденциальности проводимых экспертом исследований в рамках расследования может повлечь за собой нарушение прав и законных интересов граждан – участников уголовного судопроизводства.

6. Эксперт при наличии предусмотренных законом оснований для своего отвода обязан незамедлительно заявить об этом органу (лицу), назначившему экспертизу (ст. 61, 62, 69, 70 УПК РФ). Указанная обязанность также имеет в своей основе нравственные составляющие – порядочность и добросовестность эксперта.

Нормами уголовно-процессуального кодекса РФ предусмотрены обстоятельства, когда лицо, обладающее специальными знаниями, не может участвовать в уголовном деле в качестве эксперта.

Так, ст. 70 УПК РФ, именуемая «отвод эксперта», содержит в себе отсылки к ч. 1 ст. 69 и ст. 61 УПК РФ. Решение об отводе эксперта принимается в том же порядке, в котором предусмотрен отвод переводчику – на стадии предварительного расследования дознавателем, следователем, в ходе судебного производства – судом. При наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УПК РФ, отвод эксперту может быть заявлен сторонами (ст. 69 УПК РФ).

Обстоятельства, при которых эксперт не может принимать участие в уголовном деле, указаны в ст. 61 и 70 УПК РФ, и на наш взгляд, в них также находят свое отражение нравственные начала деятельности эксперта. Эти обстоятельства можно условно подразделить на три группы.

1. Обстоятельства, направленные на обеспечение беспристрастности эксперта.

К этому основанию следует отнести обстоятельства, перечисленные в п. 1–3 ч. 1 ст. 61 УПК РФ, а также в п. 2 ч. 2 ст. 70 УПК РФ, а именно:

– если эксперт является потерпевшим, гражданским истцом, гражданским ответчиком, свидетелем по данному уголовному делу;

– если эксперт ранее участвовал в этом уголовном деле в качестве любого другого участника процесса, кроме эксперта или специалиста;

– если эксперт является близким родственником или родственником любого из участников производства по уголовному делу;

– если эксперт находился или находится в служебной или иной зависимости от сторон или их представителей.

Таким образом, при сомнениях в беспристрастности и личной заинтересованности в исходе дела эксперт подлежит отводу по обозначенным выше основаниям.

Обстоятельства, направленные на обеспечение объективности экспертного исследования.

Указанные обстоятельства могут возникнуть в том случае, если эксперт лично, прямо или косвенно заинтересован в исходе уголовного дела (ч. 2 ст. 61 УПК РФ), и могут не подпадать под процессуальные основания для отвода, предусмотренные выше, однако могут влиять на объективность экспертного исследования. К ним можно отнести, например, психологические особенности экспертной деятельности, такие как эмоциональная нагрузка, которая может влиять на объективность экспертного заключения. По этой причине одним из требований к профессиональной компетентности эксперта является эмоционально-психологическая устойчивость, направленная на соблюдение методических рекомендаций при формулировке выводов в экспертном заключении, когда при производстве экспертизы имеются спорные моменты.

3. Обстоятельства, направленные на обеспечение обоснованности экспертного исследования.

Указанные обстоятельства возникают в случае, когда обнаружится некомпетентность эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 70 УПК РФ).

Как уже указывалось выше, критерием привлечения к производству по уголовному делу является компетентность эксперта, убедиться в которой обязан должностное лицо органа предварительного расследования или суд перед назначением судебной экспертизы. Под компетентностью эксперта следует понимать уровень его профессиональной и научной подготовки, которые определяются образованием, специальными навыками, опытом, а также владением современными методиками экспертных исследований. В случае если невозможность дачи заключения экспертом выяснилась ввиду его некомпетентности до начала вынесения в отношении эксперта постановления о назначении судебной экспертизы, это может служить основанием для его отвода.

В федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» называется еще одно обстоятельство, которое может служить основанием для отвода эксперта при производстве по уголовному делу и действует в том числе при производстве судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы, осуществляемой без непосредственного обследования лица. В ст. 18 Закона указано, что в производстве судебной экспертизы в отношении живого лица не может участвовать врач, который до ее назначения оказывал указанному лицу медицинскую помощь. Это основание для отвода является дополнительным к уже названным в УПК РФ.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что потребность в дальнейшем изучении нравственных начал в профессиональной деятельности судебного эксперта обусловлена не только статусом его показаний и заключения как доказательств в уголовном процессе, но и важнейшей ролью судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве в целом. Соблюдение экспертом не только правовых, но и нравственных норм является определенной гарантией достоверности его выводов, доказательственного значения данного им заключения.

Очевидно, что в основе профессиональной деятельности любого сотрудника правоохранительных органов, включая судебного эксперта, должны лежать не только точное и неуклонное соблюдение законов под страхом наступления уголовной или иной ответственности, но и прежде всего нравственная составляющая, включающая служебный долг, честь, совесть.

В этой связи хочется закончить статью фразой известного ученого, доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права Ленинградского государственного университета М. Д. Шаргородского: «совесть не может замечать закон, так как она есть не у всех, но и закон при отсутствии совести также бесполезен»⁴.

Воронежский институт МВД России
Савицкая И. Г., кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Некоммерческая организация «Специализированная коллегия
адвокатов Калининградской области»
Столярова Е. М., адвокат

Ministry of Internal Affairs Voronezh institute of Russia
Savitskaya I. G., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate professor of Criminal Trial Department
E-mail: arisha_s@list.ru
Non-profit organization «Specialized Bar Association
of the Kaliningrad region»
Stolyarova E. M., Lawyer
E-mail: ezubaxina@inbox.ru

⁴ Цит. по: *Акопов В. И.* О честности, нравственности, этике судебно-медицинского эксперта и особенностях его деятельности // RELGA. URL: <http://www.relga.ru/Environment/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?level1=magazine> (дата обращения 25.09.2023).

ЦИФРОВИЗАЦИЯ, НРАВСТВЕННОСТЬ И ПРАВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЬИ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА*

Статья посвящена исследованию сочетания нравственных и правовых аспектов в деятельности судьи при разрешении уголовных дел в условиях цифровизации правосудия. Автор отмечает, что с внедрением в уголовный процесс информационных технологий утрачивается связь с нравственными аспектами уголовно-процессуальной деятельности, что негативно сказывается на правосудии в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цифровизация правосудия, судья, нравственность, полномочия судьи, уголовный процесс.

DIGITALIZATION, MORALITY AND LAW IN THE ACTIVITY OF A JUDGE IN RESOLVING A CRIMINAL CASE

The article is devoted to the study of the combination of moral and legal aspects in the activity of a judge in the resolution of criminal cases in the conditions of digitalization of justice. The author notes that with the introduction of information technologies into the criminal proceedings, the connection with the moral aspects of criminal procedural activity is lost, which negatively affects justice in general.

K e y w o r d s: digitalization of justice, judge, morality, powers of a judge, criminal procedure.

Поступила в редакцию 29 сентября 2023 г.

Судебное разбирательство – одна из важнейших стадий уголовного процесса, так как именно в ходе нее разрешается социальный конфликт, возникший в результате совершения преступления. Круг участников данной стадии достаточно разнообразен. Он представлен как властными субъектами, так и непрофессионалами, имеющими определенный интерес в исходе уголовного дела. При этом ключевым участником является председательствующий, который наделен полномочиями по разрешению уголовного дела и организации судебного процесса. Наделение его столь обширными полномочиями вполне оправданно, так как он не является стороной процесса, независим и сохраняет нейтральную позицию по делу.

Можно выделить следующие направления деятельности председательствующего в суде:

1) осуществление общего руководства порядком судебного заседания. В обязанности председательствующего входит контроль за соблюдением процессуальной формы, полной реализацией принципов уголовного процесса, соблюдением прав участников судебного заседания, реализацией подсуди-

* Статья подготовлена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет-2030».

© Чистилина Д. О., 2023

мым права на защиту. Помимо этого, председательствующий должен уметь предупреждать нарушение порядка сторонами и немедленно предпринимать меры по их пресечению, что особенно актуально для суда с участием присяжных заседателей, где любое процессуальное нарушение может привести к отмене приговора¹;

2) контроль исполнения закона при исследовании доказательств. Важно, чтобы председательствующий стимулировал активную деятельность сторон по участию в доказывании, при этом сам не проявлял предрасположенности к той или иной позиции;

3) проявление инициативы в получении дополнительных доказательств без подмены полномочий сторон. Возможность истребования дополнительных доказательств для восстановления полной картины произошедшего;

4) разрешение уголовного дела по существу путем вынесения приговора с учетом всех обстоятельств дела;

5) определение вида и размера наказания при постановлении обвинительного приговора. В данном случае обязательно должна учитываться нравственная составляющая, а именно способствование назначенного наказания исправлению осужденного²;

6) организационные полномочия, связанные с распорядительными действиями по организации процесса (вызов присяжных заседателей, взаимодействие с секретарем судебного заседания и помощником судьи в ходе процесса, организация технической составляющей при необходимости и др.).

Некоторые из этих полномочий действительно носят технический характер и могут быть полностью или частично заменены информационными технологиями. Все больше дискуссий в науке и на практике вызывает цифровизация правосудия, а также ее прогрессивная идея по замене судьи на робота. Термин «электронное правосудие» раскрыт в Приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362. В нем под электронным правосудием подразумевается способ и форма осуществления предусмотренных законом процессуальных действий, основанных на использовании информационных технологий в деятельности судов, включая взаимодействие судов, физических и юридических лиц в электронном (цифровом) виде³. Согласно этому определению, электронное правосудие ориентировано исключительно на судебную систему и не предполагает принятия решений автоматизированной системой. В большей степени такой подход объясняется желанием облег-

¹ См.: *Власова Н. А.* О роли председательствующего в суде присяжных // Юридический аналитический журнал. 2005. № 3–4. С. 20–25.

² См.: *Чистилина, Д. О.* Полномочия председательствующего при производстве по уголовным делам в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 55.

³ См.: «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента : приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.08.2023).

чить некоторые процедурные моменты в ходе судебного разбирательства, а не заменить судью.

В этой связи можно разграничить два подхода к цифровизации правосудия. Первый будет представлять собой внедрение информационных технологий в уголовно-процессуальную деятельность как вспомогательный механизм ее организации. Российским законодателем уже предприняты шаги в этом направлении: некоторыми государственными органами предусмотрена дистанционная подача заявлений, постепенно вводится электронный документооборот, организовано дистанционное взаимодействие между государственными органами, введены видео- и аудиофиксация происходящего на различных стадиях уголовного процесса, возможность участия в судебном разбирательстве посредством видео-конференц-связи и т. д. Эти и другие нововведения способствуют ускорению процесса и оптимизации уголовно-процессуальной деятельности. Кроме того, данный подход способствует снятию организационной нагрузки с властных субъектов уголовного процесса. В частности, некоторые полномочия заменяются на распорядительные (при условии наличия отдела технической поддержки), однако появляются и дополнительные обязанности по техническому обеспечению процесса. Отметим, что законодатель должен обратить особое внимание на правовую регламентацию использования информационных технологий и реальное распределение нагрузки по ее обеспечению между различными субъектами и органами.

Второй подход грозит более кардинальным вмешательством в деятельность по разрешению уголовно-правового спора. Так, предлагается заменить судей на систему искусственного интеллекта, которая обладает свойствами объективности, непредвзятости и неподкупности. Определенный алгоритм может просчитать силу и количество аргументов, приписывая вероятностям значение исходных резонов и устанавливая силу внутренних логических связей, т. е. система искусственного интеллекта будет основывать свои выводы на решениях, которые были вынесены ранее другими судьями. Главным условием должны быть понятность, открытость и доступность алгоритмов для предоставления сторонам в последующем возможности обжаловать вынесенное решение. Кроме того, в связи с этим возникает интересный вопрос: не будет ли это посягательством на независимость судей и существующую российскую систему правосудия, где отсутствует прецедентное право?

При принятии решения судьей ключевую роль играет субъективная уверенность и интуиция субъекта оценивания. На принятие решений значительное влияние оказывает жизненный и профессиональный опыт судьи, которого у автоматизированной системы нет⁴.

Более того, суд решает вопросы о деяниях людей со всеми их индивидуализированными жизненными и психологическими нюансами, которые невозможно учесть с помощью технологий, т. е. при принятии решения недостаточно лишь математического расчета, особенно при назначении наказания⁵.

⁴ См.: Чистилина Д. О. Использование возможностей искусственного интеллекта в уголовном процессе // Вестник Удмурт. ун-та. Сер.: Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 705–710.

⁵ См.: Гилинский Я. И. Цифровой мир и право // Правовое государство : теория и практика. 2020. № 4-1 (62). С. 22–30.

Однако отметим, что в некоторых странах уже применяется система искусственного интеллекта при разрешении, в том числе уголовно-правовых, споров. Так, в Китае и Сингапуре в некоторых случаях роботы заменяют судей. В Великобритании искусственный интеллект используется для предугадывания решений Европейского суда по правам человека. В Казахстане существует система, которая предлагает судье 10 лучших судебных дел, аналогичных тому, которое рассматривал судья, однако окончательное решение все же он будет принимать самостоятельно⁶.

В противоречие с автоматизацией принятия решения судьями вступает нравственный аспект.

Мораль на протяжении веков создает сам народ, и от поколения к поколению передаются представления о нравственных принципах, нормах, идеалах. Отсюда вся проблематика ее, все побудительные стимулы, оценки, взгляды. Мораль имеет много источников. Это и все то, что происходит в обществе, политике, и все то, что происходит в группе (социальной или этнической), семье, и все то, чему учит народ, литература, искусство.

Мораль и право – это действенные инструменты регулирования общественных отношений. Несмотря на значительную схожесть в источниках и целях, они имеют ряд отличий, которые не позволяют полностью отождествлять эти два механизма установления правил поведения в обществе.

Мораль и право взаимно дополняют друг друга, имеют между собой внутреннюю связь, развиваются совместно в процессе общественной жизни. Их общая задача – охрана жизни и здоровья человека, а также жизнеобеспечивающего порядка. При этом право определяет минимальные требования к человеку, а нравственность охватывает эти требования максимально.

Моральный закон исполняется добровольно, человек сам прилагает его к себе. Закон правовой, юридический – принудителен, обязателен даже при условии его непринятия человеком, независимо от отношения людей к нему. Средством воздействия морали является совесть и общественное мнение. Нравственность не предусматривает принуждение, а учит правильным поступкам и профилактирует неправильные действия в то время, как нормы права стремятся внести порядок в отношения людей и жизнь общества⁷.

Противоречие между нормой права и моралью, разрушая их внутреннее единство, вносит хаос в сложившиеся представления о справедливом и должном. Прежде всего, ущерб наносится системе нравственных оценок, нарушаются их гармония и единство. С одной стороны, правовая норма, не согласующаяся с нормой морали, вызывает у субъектов правоотношений отрицательную нравственную реакцию и стремление не исполнять ее, а с другой – продолжает действовать правило морали, осуждающее нарушение действующих норм права (в том числе и правовой нормы, противоречащей морали). Такие противоположные нравственные установки крайне затрудняют выбор варианта

⁶ Марковичева Е. В., Смирнова И. Г. Влияние пандемии COVID-19 на цифровую трансформацию уголовного судопроизводства // Вестник Том. гос. ун-та. Право. 2021. № 42. С. 50–67.

⁷ См.: Лаврентюк Г. П. Нравственность – показатель человечности каждого и профилактика любых конфликтов, а также наиглавнейшая основа правильной жизни и поведения : учеб.-метод. пособие. СПб., 2014. С. 68–69.

нравственного поведения, могут быть использованы для оправдания безнравственного поведения, негативно сказываются на нравственной целостности личности. Между тем эти противоречия не носят непримиримого характера и преодолеваются путем дальнейшего совершенствования законодательства⁸.

Не только правовая, но и нравственная обязанность судьи вынести законный, обоснованный и справедливый приговор. Представители данной профессии помимо профессиональных качеств должны соответствовать еще и определенным нравственным требованиям, таким как честность, беспристрастность, неподкупность, принципиальность, тактичность, вежливость, терпение, обостренное чувство справедливости и др. Эти и другие нравственные требования закреплены в Кодексе судейской этики 2012 г.

Особое значение соответствия судьи данным требованиям проявляется в высоком нравственном смысле судебной деятельности: разрешение мирным путем конфликтов и способствование стабильному существованию общества. Говоря более простым языком, предназначением суда является защита добра и недопущение зла. Именно поэтому судьи должны быть примером соблюдения как норм права, так и требований морали. Данный аспект закреплен и на международном уровне. Седьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями приняты и одобрены резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 г. «Основные принципы независимости судебных органов». В ст. 10 данного документа отмечается, что «лица, отобранные на судебные должности, должны иметь высокие моральные качества и способности, а также соответствующую подготовку и квалификацию в области права».

Кроме того, в Бангалорских принципах поведения судей 2002 г. перечислены показатели деятельности судьи: независимость, объективность, честность и неподкупность, соблюдение этических норм, равенство, компетентность и старательность. В документе указано, что судья не должен допускать проявлений некорректного поведения при осуществлении любых действий, связанных с его должностью.

В уголовно-процессуальной науке исследователями также отводится особое место соблюдению нравственных норм в деятельности судьи. Так, Т. А. Владыкина считает, что профессионализм личности судьи включает не только уровень владения профессиональными знаниями, но и «совокупность личностных, деловых качеств, мотивационно-ценностных ориентаций, направленных на эффективное отправление правосудия»⁹.

По справедливому утверждению Л. Д. Кокорева, любая деятельность может быть успешно реализована, если в ее основе лежат нравственные принципы. Кроме того, принципиальной позицией ученого была необходимость установления истины в процессе доказывания, что действующим законодательством не закреплено. Отсюда следует, что любой судья должен стремить-

⁸ См.: *Рябина Т. К.* Нравственные начала уголовного процесса : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений, обуч. по направлению «Юриспруденция». Курск, 2007. С. 349–350.

⁹ *Владыкина Т. А.* Формирование и развитие профессионального мировоззрения судьи в свете российских правовой и культурной традиции. Екатеринбург, 2015. С. 10.

ся к установлению истины, для чего должен быть наделен соответствующими полномочиями¹⁰.

Профессор Т. К. Рябина также отмечает в своих работах, что судья при принятии решения должен руководствоваться не только законом, но и своим внутренним убеждением, полагаясь на собственный житейский и профессиональный опыт¹¹.

Все это еще раз подчеркивает особое значение нравственной составляющей в деятельности судьи.

Теперь необходимо сопоставить данные нравственные требования, предъявляемые к судье, с возможностями искусственного интеллекта. Безусловным преимуществом робота-судьи будет объективность и неподкупность, однако как применить к нему требования относительно наличия чувства справедливости, стремление к установлению истины, вежливость, принципиальность и др.? Не приобретут ли приговоры суда некую шаблонность, от которой все время законодатель стремится уйти, признавая приговор творческим актом судьи? Более того, решения, вынесенные с помощью системы искусственного интеллекта, не смогут учесть все нюансы, в том числе и нравственного характера, при назначении наказания.

Таким образом, существующие преимущества технических нововведений в уголовно-процессуальной деятельности безусловно позволяют добиться положительных результатов и оптимизировать некоторые процессы судопроизводства. При этом предложения о полной замене участников уголовного процесса системой искусственного интеллекта заставляют задуматься о нравственной составляющей правосудия. Многолетние труды ученых в данной сфере станут бесполезными, ибо техническая составляющая позволит поддерживать букву закона, но не его дух. Именно сочетание нравственных и правовых начал в уголовно-процессуальной деятельности судьи является явным показателем правосудности приговоров.

*Юго-Западный государственный университет
Чистилина Д. О., кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики*

*Southwest State University
Chistilina D. O., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the
Criminal Procedure and Criminalistics Department
E-mail: darya-chistilina@yandex.ru*

¹⁰ См.: Кокорев Л. Д., Котов Д. П. Этика уголовного процесса. Воронеж, 1993. С. 45–47.

¹¹ См.: Рябина Т. К. От судебной этики к этике уголовного процесса : наследие Л. Д. Кокорева // Судебная власть и уголовный процесс. 2015. № 4. С. 70–74.